

Ильин 2446

ЖК м

Е. О. Буринский,

СУДЕБНЫЙ ФОТОГРАФЪ,

Почетный членъ Русскаго Фотографическаго Общества.

34'

Б 913

СУДЕБНАЯ

ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВЪ,

производство ея и пользованіе ею.

1944 г.

Пособіе для гг. судей, судебныхъ слѣдователей, лицъ прокурорскаго надзора, повѣренныхъ, защитниковъ, судебныхъ врачей и графическихъ экспертовъ.

1944
ОЦЕНКА
№ 3

Ильин 2446

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

1903.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
СВЕРДЛОВСКОГО РАЙОНА
г. СВЕРДЛОВСК

Ильин 1936 г. 56914 п

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	VI.
ГЛАВА I. Экспертиза документовъ въ гражданскомъ и уголовномъ судахъ	1
ГЛАВА II. О судебной фотографіи	33
ГЛАВА III. Цвѣтодѣлительная фотографія, какъ основаніе судебного изслѣдованія документовъ	58
ГЛАВА IV. Цвѣторазличеніе	113
ГЛАВА V. О распознаваніи и сличеніи почерковъ	126
ГЛАВА VI. Почерковѣдѣніе какъ наука	177
ГЛАВА VII. Психографологія (этогографологія)	191
ГЛАВА VIII. Физиографологія	211
ГЛАВА IX. Определенное и неопределенное заданія	281
ГЛАВА X. О присяжномъ фотографѣ и его помощникѣ	335
Книги и статьи на русскомъ языкѣ, имѣющія отношеніе къ экспертизѣ документовъ	347

ОТЪ АВТОРА.

Въ 1896 году, I-й Съездъ русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу выразилъ желаніе, чтобы было составлено и издано руководство по судебной фотографіи, которымъ могли-бы пользоваться какъ лица производящія судебно-фотографическія работы, такъ и тѣ, кому приходится такими работами пользоваться (судьи, слѣдователи, прокуроры, повѣренные, защитники, тяжущіеся, обвиняемые и др.).

Исполняя желаніе Съезда, я счелъ полезнымъ не ограничиться лишь рамками судебной фотографіи, но составить руководство для судебной экспертизы документовъ вообще. Поэтому, я включилъ двѣ главы о почерковѣдѣніи и одну главу о сличеніи и распознаваніи почерковъ, съ цѣлью дать понятіе о томъ, что извѣстно до настоящаго времени о нормальномъ актѣ письма и о болѣзненныхъ его измѣненіяхъ.

Трудъ этотъ могъ-бы быть выполненъ успѣшнѣе судебно-фотографическою лабораторіею при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты, но такъ какъ въ теченіи 10-ти лѣтъ

лабораторія такой книги не издала и не заявила о своемъ намѣреніи издать ее когда либо въ будущемъ, то—лучше чтонибудь, чѣмъ ничего.

Такъ какъ подобное изданіе можетъ рассчитывать на распространеніе лишь въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, то пришлось назначить за книгу довольно высокую цѣну; иначе не окупилась-бы издержки по отпечатанію и изготовленію клише.

Евгѣній Буринскій.

С.-Петербургъ,
9 Ноября 1902 года.

ГЛАВА V.

О разпознаваніи и сличеніи почерковъ.

Malvolio. By my life, this is my Lady's hand, there be her very c's, her N's, and her t's, and this makes she her great P's. It is in contemp's of question her hand.

(Shakspear. Twelfth night, A. II. sc. 5).

Существуетъ два рода судебной экспертизы почерковъ: одна не изслѣдуетъ почеркъ, но основываетъ свой приговоръ на непосредственномъ впечатлѣніи, получаемомъ при обзорѣнии сравниваемыхъ письменъ; другая, наоборотъ, строитъ выводы на результатахъ анализа почерка, стараясь совершенно отрѣшиться отъ непосредственнаго впечатлѣнія. Экспертиза первого рода требуетъ опыта, навыка; экспертиза второго рода предполагаетъ въ экспертѣ специальныя знанія.

Экспертизу опыта условимся называть *разпознаваніемъ* почерковъ, а экспертизу знанія—*сличеніемъ*. Различать ихъ необходимо потому, что пользованіе той и другой экспертизами не одинаково и каждая изъ нихъ занимаетъ свое особое мѣсто въ судебномъ процессѣ.

Въ статьѣ „Судебная фотографія“ И. Щегловитовъ *) говоритъ объ экспертизѣ почерковъ слѣдующее („Сѣв. Вѣстн. 1892 г. № 11).

„До послѣдняго времени изслѣдованіе документовъ вращалось на почвѣ каллиграфической экспертизы, направлявшейся исключительно, какъ указано выше, къ отысканію сходства или несходства извѣстныхъ сравниваемыхъ рукописей. Представителями такой экспертизы обыкновенно выступаютъ слѣдующія лица: типографы, литографы, граверы, учителя каллиграфіи, канцелярскіе писцы и т. п. Остановимся нѣсколько на томъ, какими же свѣдѣніями обладаютъ эти лица? Начнемъ съ типографа. Профессія типографа заключается въ умѣльи сдѣлать всякій наборъ, сверстать его, заключить въ форму, сдать въ машину, сдѣлать приправку, отпечатать нѣсколько листовъ. Спрашивается, при чемъ же

*) Бывшій прокуроръ С.-Петербургскаго Окр. Суда, нынѣ вице-директоръ Департ. Мин. Юстиціи.

такой знатокъ печатнаго искусства при изслѣдованіи рукописей? Курьезъ усиливается, если принять во вниманіе, что нерѣдко приглашаютъ на практикѣ къ производству экспертизы не типографовъ, а содержателей типографій, которые даже въ печатномъ дѣлѣ не могутъ считаться специалистами.

Въ такомъ же отношеніи стоятъ къ занимающему насъ вопросу литографы и типо-литографы. Подъ литографомъ, сколько извѣстно, разумѣютъ человѣка, занимающагося печатаніемъ съ литографскихъ камней. Въ этой отрасли бывають случаи вырѣзыванія автографовъ (факсимиле) на камняхъ, но эта работа выполняется граверомъ-факсимилестомъ, а не литографомъ. Между тѣмъ литографъ, а въ особенности типо-литографъ (причемъ практика почему-то распространяетъ типо-литографскія свѣдѣнія и на содержателей типо-литографій) — эксперты, весьма часто фигурирующие въ процессахъ. Намъ, въ нашей практикѣ приходилось видѣть одного почтеннаго содержателя типо-литографіи, который при изслѣдованіи одного и того же документа въ разное время (въ коммерческомъ судѣ, у судебного слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи и на судебномъ слѣдствіи) давалъ иногда, по забывчивости, три совершенно противоположныхъ заключенія о томъ, кѣмъ писана изслѣдуемая рукопись. При этомъ каждое изъ нихъ высказывалось съ такою увѣренностью, что самому эксперту становилось стыдно за себя, когда стороны предлагали ему вопросъ о томъ, которое же изъ его разныхъ мнѣній слѣдуетъ считать окончательнымъ. Впрочемъ, по большинству дѣлъ почтенный содержатель литографіи обыкновенно справлялся, до слушанія дѣла на судѣ, съ своими предъидущими экспертизами и, такимъ образомъ, избѣгалъ того неприятнаго положенія, которое иначе ему пришлось бы испытать.

Нѣсколько болѣе удовлетворительные эксперты граверы. Нѣкоторые изъ нихъ, занимаясь рѣзьбою на деревѣ, на камняхъ, бывають основательно знакомы съ искусствомъ автографіи и, при сличеніи почерковъ, по дѣламъ о ручныхъ поддѣлкахъ, могутъ уловить дѣйствительное сходство или несходство рукописей. За то, конечно, они совершенные профаны при изслѣдованіи аутотипическихъ подлоговъ.

Вполнѣ несостоятельными экспертами мы считаемъ учителей чистописанія, хотя это излюбленные эксперты по документамъ. Развѣ умѣнье писать красиво даетъ какія нибудь свѣдѣнія для распознаванія почерковъ на подложныхъ актахъ? Стоитъ, однако, послушать, съ какимъ авторитетомъ заявляютъ они безапелляціонныя сужденія при экспертизѣ документовъ! Къ этой же категоріи свѣдущихъ людей слѣдуетъ отнести секретарей присутственныхъ мѣстъ, канцелярскихъ чиновниковъ, писцовъ, и т. п., которые развязно рѣшаютъ, въ роли экспертовъ, серьезные вопросы о подлинности или подложности документа!

Едва ли можно признать за представителями всѣхъ перечисленныхъ профессій какой либо серьезный характеръ. Между тѣмъ, на основаніи ихъ мудрыхъ изрѣченій рѣшалась и рѣшается судьба людей! При этомъ, по уголовнымъ дѣламъ экспертиза не всегда имѣетъ такое безповоротное значеніе какъ по дѣламъ гражданскимъ, по которымъ судъ, будучи стѣсненъ въ оцѣнкѣ доказательствъ, вынужденъ принимать заключеніе каллиграфовъ, которое отличается, обыкновенно, крайнею категоричностью и опредѣленностью, въ ущербъ основательности и справедливости. Изслѣдованіе же документовъ и письменныхъ актовъ производится въ гражданскомъ процессѣ весьма часто. Страшно становится за рѣшеніе, которое получаютъ дѣла на основаніи каллиграфической экспертизы.

Трудно опредѣлить; съ чѣмъ больше приходится бороться правосудію—съ поддѣльвателями или съ фантазіями каллиграфовъ. Въ наукѣ процесса всѣ, касавшіеся рассматриваемой экспертизы, удостовѣряютъ ее ненаучность и случайность ея выводовъ. Вотъ, напр., что говоритъ по ея поводу знаменитый Миттермайеръ *): „въ томъ случаѣ, когда два или три эксперта единогласно свидѣтельствуютъ, что изслѣдуемый документъ писанъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое писало и другіе документы, то и тогда не можетъ быть твердой увѣренности и является только вѣроятность подлинности документа, ибо искусство сличать почерки не можетъ быть основано на точныхъ правилахъ. Даже самый старательный изъ свѣдущихъ въ сличеніи почерковъ можетъ обмануться, потому что случайно почерки двухъ лицъ могутъ быть сходны между собою и потому также, что по злости другого, почеркъ лица можетъ быть легко поддѣланъ; наконецъ, лучшій изъ свѣдущихъ людей можетъ быть обманутъ. Сужденіе свѣдущихъ людей основывается, такимъ образомъ, лишь на одномъ предположеніи, которое можетъ служить для судьи только указаніемъ или уликою“. По замѣчанію другого ученаго, Каррары, каллиграфы одни изъ самыхъ невозможныхъ экспертовъ, которые, по способности выдумывать, могутъ быть приравнены къ охотникамъ. Интересно, что въ англійскомъ процессѣ каллиграфическая экспертиза не допускается вовсе. Тамъ, для опредѣленія подлинности или подложности документа приглашаются лица, знакомыя съ почеркомъ, которымъ онъ писанъ“.

Приводя рядъ примѣровъ удачныхъ и неудачныхъ каллиграфическихъ экспертизъ на Западѣ и у насъ и упомянувъ о существованіи различныхъ видовъ неручныхъ поддѣлокъ, для обнаруженія которыхъ сличеніе почерковъ бесполезно, г. Щегловитовъ говоритъ:

„При такихъ условіяхъ подлогъ торжествовалъ побѣду надъ правосудіемъ. Поддѣльватели смѣло несли въ судъ свои искусныя произве-

*) Уголовное судопроизводство 1834 г. § 51.

денія зная, что уличить ихъ сличеніемъ почерковъ невозможно. Число споровъ о подлогахъ увеличивалось, но спорящіе почти всегда проигрывали процессы и должны были благодарить судьбу, если они не подвергались, въ довершеніе всего, преслѣдованію за ложный доносъ. Въ представителей каллиграфической экспертизы сыпались проклятія разоренныхъ, насмѣшки печати. Они сдѣлались одно время излюбленною мишенью сатирическихъ изданій“.

Картина непривлекательная, что и говорить; не совсѣмъ справедливо, только, возлагать отвѣтственность за такое положеніе дѣла на каллиграфовъ, типографовъ и др. экспертовъ почерковъ, которые виновны въ немъ гораздо меньше, чѣмъ судебные дѣятели. Я привелъ выписку изъ статьи г. Щегловитова, болѣе другихъ нашихъ юристовъ останавливавшася на вопросѣ о неудовлетворительности экспертизы документовъ *) для того, чтобы показать, какъ неясно представляютъ себѣ дѣло даже такіе изслѣдователи и практики, какъ авторъ цитированной статьи.

Г. Щегловитовъ не раздѣляетъ распознаваніе почерковъ отъ сличенія и не подозрѣваетъ, повидимому, что то и другое хороши въ свое время и на своемъ мѣстѣ, но никуда не годятся при замѣнѣ одного другимъ. По этому поводу Персифоръ Фрэзеръ **), профессоръ геологіи и минералогіи въ пенсильванскомъ университетѣ и, вмѣстѣ, экспертъ по почеркамъ въ пенсильванскомъ судѣ, приводитъ такое сравненіе:

„Есть много людей, которые, не имѣя понятія о химіи, могутъ назвать каждый минералъ по одному его виду; другіе, обладающіе научными познаніями и могущіе на память сказать химическій составъ минераловъ и дать точныя химическія формулы, значительно уступаютъ первымъ въ опредѣленіи минераловъ по внѣшнему осмотру. Иногда нужны бываютъ первыя, иногда полезнѣе вторыя; то же самое можно сказать и въ отношеніи экспертизы почерковъ, т. е. распознаванія и сличенія“. Я объяснялъ это подробно въ первой главѣ и повторяю теперь, что каллиграфы, граверы и др. опытные въ почеркахъ люди—единственно возможные эксперты при разрѣшеніи споровъ о дѣйствительности актовъ, если заключеніями ихъ судъ умѣло пользуется, но странно заставлятъ ихъ производить изслѣдованіе почерка при спорахъ о подлогѣ, такъ же странно, какъ заставлятъ слесаря рѣшать вопросы судебно-медицинскаго характера.

Г. Щегловитовъ приводитъ, далѣе, въ видѣ примѣра, экспертизу

*) Ему же принадлежатъ статьи „Судебная экспертиза документовъ“. Журналъ гражд. и угол. права, 1891 г. кн. VI; „О примѣненіи фотографіи къ изслѣдованію документовъ“. Юридическая лѣтопись 1891 г. кн. III и др.

***) *Frazer, P., d-g.*—A manual of the study of documents. Philadelphia, 1894.

по дѣлу о подложныхъ довѣренностяхъ Добродѣева, якобы въ конецъ посрамляющую экспертовъ распознавателей.

„9 января 1889 г., въ главную контору издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ г. Добродѣевымъ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и газетъ „Сынъ Отечества“ и „Минута“, былъ высланъ изъ Самары переводный чекъ на Государственный Банкъ въ 68 рублей съ спискомъ подписчиковъ. Пакетъ былъ похищенъ со стола Добродѣева въ его конторѣ. По справкѣ въ Государственномъ Банкѣ оказалось, что деньги 68 рублей были получены артельщикомъ Гольдштейномъ 14 января 1889 г. по довѣрительной надписи на чекѣ съ подписью Добродѣева, поставленной штампомъ клише. Личность артельщика Гольдштейна, какъ оказалось, была вымышленная.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, у Добродѣева такимъ же образомъ пропалъ присланный ему переводный чекъ на 134 рубля на контору „Волкова сыновей“ въ С.-Петербургѣ. Чекъ этотъ постушилъ 31 января 1889 г., а 1 февраля того же года были получены деньги въ названной конторѣ артельщикомъ Зейфертомъ, личностью равнымъ образомъ не существующей, по подложной довѣрительной подписи Добродѣева на чекѣ. Послѣдній, замѣтивъ сходство почерка въ означенной надписи съ почеркомъ управляющаго его домомъ и типографіей Б., обратился къ двумъ граверамъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, которые, произведя сличеніе, удостовѣрили правильность его предположеній. Тогда Добродѣевъ обратился къ Б. и, прося его сознаться, обѣщаль не возбуждать дѣла. Б. отвѣтилъ, что онъ не повиненъ ни въ похищеніи, ни въ подлогѣ на переводныхъ чекахъ и что онъ готовъ судомъ защищать свое честное имя.

Послѣ этого, въ декабрѣ 1889 г., Добродѣевъ подалъ жалобу, обвиняя Б. въ указанныхъ подлогахъ.

Началось предварительное слѣдствіе, результаты котораго, весьма естественно, стояли въ зависимости отъ изслѣдованія довѣрительныхъ надписей на двухъ чекахъ. Экспертами были приглашены граверы Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ Алабышевъ и Маттернъ, типо-литографъ Арнгольдъ и фотографъ Буринскій. Всѣ они единогласно признали, что спорныя надписи не имѣютъ никакого сходства съ почеркомъ Добродѣева. Затѣмъ, первые три эксперта указали на полное, несомнѣнное сходство этихъ надписей не только между собою, но и съ безспорнымъ почеркомъ заподозрѣннаго Б.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласился экспертъ Буринскій. Онъ полагалъ необходимымъ, для болѣе точнаго сличенія, сдѣлать увеличенные фотографическіе снимки рукописей, ссылаясь, между прочимъ, на недостающую мотивированность заключенія первыхъ трехъ экспертовъ, которые основывали свой выводъ единственно на усмотрѣнномъ ими

сходствѣ девяти буквѣ. Фотографическія изслѣдованія подтвердили сомнѣнія Буринскаго. Въ подробномъ заключеніи своемъ онъ наглядно доказалъ полное несходство тѣхъ же девяти буквѣ подложныхъ подписей съ почеркомъ Б. Талантливое графологическое изслѣдованіе рукописей, увеличенныхъ посредствомъ фотографіи, привело его къ тому выводу, что если настаивать на предположеніи, что довѣрительныя надписи на чекахъ учинены Б., то, вмѣстѣ съ тѣмъ, пришлось бы признать 1) что Б., дѣлая ихъ, держалъ перо не такъ, какъ онъ обыкновенно пишетъ; 2) что сообразно новому непривычному для него положенію пера, онъ измѣнилъ формы всѣхъ буквѣ безъ ошибки; 3) что при такихъ условіяхъ онъ написалъ болѣе твердою рукою, съ разными размахами, петлями и, притомъ, гораздо красивѣе, чѣмъ пишетъ обыкновенно, и 4) что дѣлая вторую подложную подпись черезъ двѣ недѣли послѣ первой, Б. не забылъ ни одной мелочи и измѣнилъ въ своемъ почеркѣ все точно также, какъ и въ первый разъ. Очевидно, все это, вмѣстѣ взятое, совершенно исключало вопросъ о первоначальномъ подозрѣніи, павшемъ на Б.

Далѣе Буринскій обратилъ вниманіе на особое положеніе пера, которымъ были писаны довѣрительныя надписи на чекахъ. Въ этихъ надписяхъ наибольшія утолщенія были въ верхнихъ частяхъ буквѣ, что возможно и случается обыкновенно при наклонѣ пера по направленію строкѣ. Между тѣмъ, именно такъ держатъ перо евреи, когда приходится писать справа налево. Въ виду этого, названный экспертъ высказалъ предположеніе, что подложныя надписи на чекахъ сдѣланы лицомъ еврейскаго происхожденія.

Это указаніе повело къ обнаруженію виновнаго. Таковымъ оказался, служившій въ конторѣ Добродѣева, нѣкто Израиль Менделевъ Гутшабашъ. Когда обратились къ сличенію его почерка, то уже не 9 буквѣ на чекахъ были признаны сходными съ его почеркомъ, а всѣ буквы оказались тождественными и, притомъ, тождество было признано не только г. Буринскимъ, но и гг. Алабышевымъ, Маттерномъ и Арнольдъ. Послѣдніе изложили свое заключеніе по этому поводу такъ: „по сличеніи подложныхъ довѣренностей и росписокъ съ рукописями Гутшабаша и Б., мы приходимъ къ заключенію, что почеркъ, которымъ писаны подложныя документы, имѣетъ гораздо большее сходство съ почеркомъ Гутшабаша, чѣмъ съ почеркомъ Б., что особенно ясно видно на фотографическихъ увеличеніяхъ, которыя намъ ранѣе предъявлены не были. Для болѣе точнаго опредѣленія желательно было бы произвести испытаніе почерка Гутшабаша въ нашемъ присутствіи.

Произведя это испытаніе, тѣ же эксперты признали безусловное сходство сравниваемыхъ подписей, вслѣдствіе чего они окончательно выразили увѣренность, что подложныя довѣренности на переводныхъ

чекахъ писаны рукою Израиля Гутшабашъ. Впослѣдствіи, на судѣ, присяжнымъ засѣдателямъ были предъявлены фотографическіе снимки рукописей, подвергавшихся изслѣдованію и рѣшеніемъ ихъ, Гутшабашъ, все время отрицавшій свою виновность, былъ признанъ виновнымъ въ двухъ подлогахъ вышеуказанныхъ довѣрительныхъ надписей на чекахъ. Обстоятельства изложеннаго нами дѣла весьма и весьма поучительны. Не смотря на грубую ручную поддѣлку, при которой поддѣльватель даже не старался измѣнить свой почеркъ, чуть было не послѣдовало судебной ошибки. Не будь талантливаго фотографическаго изслѣдованія, осталась бы непоколебленною каллиграфическая экспертиза, основывшаяся на соблазнительномъ сходствѣ 9 буквъ *)“.

Случай этотъ, дѣйствительно, поучителенъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его г. Щегловитовъ. Съ перваго же момента было ясно, что совершенъ подлогъ кѣмъ-то изъ близкихъ къ Добродѣеву людей и потому слѣдовало предположить, что подписи сдѣланы не нормальнымъ, но измѣненнымъ почеркомъ виновнаго; понималъ же этотъ послѣдній, что Добродѣевъ, прежде всего станетъ его искать по сходству почерка подписей съ почерками своихъ служащихъ. Какъ только это предположеніе возникло, не могло быть и рѣчи о распознаваніи почерковъ, а лишь о сличеніи, т. е. объ изслѣдованіи. Если бы гг. Алабышеву, Маттерну и Аригольду сразу объявили, что они приглашены *только какъ опытные люди*, имѣющіе извѣстнаго рода навыкъ глаза, а не какъ изслѣдователи, — результатъ получился бы совсѣмъ другой: они признали бы отсутствіе *впечатлѣнія* сходства между почерками надписей и Б. Это заключеніе не отвѣтило бы, разумѣется, на вопросъ о виновности Б., такъ какъ оставалось не обслѣдованнымъ предположеніе объ измѣненіи виновнымъ своего почерка; этотъ послѣдній вопросъ разрѣшился бы уже не распознаваніемъ, а сличеніемъ (изслѣдованіемъ) черезъ посредство *знающихъ*, а не *опытныхъ* людей.

Отъ названныхъ лицъ ошибочно требовалось не простое „показаніе о впечатлѣніи“, но мотивированное заключеніе, т. е. *сознательный* отчетъ о томъ, что дѣлается *безсознательно*. Поставленные въ такое положеніе, эксперты-распознаватели стали производить изслѣдованіе не имѣя о такомъ никакого понятія и обратились къ сходству буквъ по внѣшнимъ ихъ формамъ, по ихъ рисункамъ. Къ этому необходимо добавить, что эксперты приступили къ работѣ предубѣжденные противъ Б., такъ какъ самый вопросъ подсказывалъ и отвѣтъ, вродѣ извѣстной задачи „что стоитъ трехъопѣчная булка?“ Достаточна имъ было усмотрѣть сходство одной буквы въ двухъ почеркахъ (а это неизбѣжно),

*) И. Щегловитовъ. „Судебная фотографія“. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1892 г. № 11, стр. 99—101.

чтобы предубѣжденіе усилилось и, затѣмъ съ каждой новой, хотя бы и мало сходной буквой, возрастало постепенно до увѣренности. Желая доказать судебному слѣдователю (О. А. Кучинскому), что въ своемъ усердіи эксперты начинаютъ галлюцинировать, я незамѣтно подложилъ въ пачку рукописей Б. одну бумагу, писанную рукою слѣдователя; каково же было удивленіе слѣдователя, когда эксперты, перебирая пачку бумагъ и отмѣчая сходныя буквы, нашли въ его, О. А. Кучинскаго, почеркѣ 9 буквъ поразительно сходныхъ съ буквами почерка подложныхъ надписей! *) Они воображали, что имѣютъ дѣло съ рукописью все того же Б., виновность котораго для нихъ стала уже несомнѣнною!

Для экспертизы подложныхъ рукописей вообще нѣтъ резона приглашать распознавателей, такъ же какъ для рѣшенія вопросовъ о дѣйствительности акта неумѣстно звать сличителей. Если, по недоразумѣнію, распознаватели были приглашены, то имъ слѣдовало объявить, что никакой мотивировки ихъ заключенія отъ нихъ не ждутъ и не *примутъ*, но желаютъ только знать, какое впечатлѣніе сходства произведутъ на нихъ предъявленныя имъ рукописи. Пользы отъ ихъ отвѣта было-бы, конечно, мало, но не оказалось бы и вреда, потому что послѣ ихъ отвѣта неизбѣжно пришлось бы обратиться къ изслѣдованію не черезъ опытныхъ, а черезъ знающихъ людей.

Персифоръ Фрззеръ **) совершенно справедливо опредѣляетъ различіе характеровъ дѣятельности распознавателей и сличителей при изслѣдованіи рукописей. Распознаватели обращаютъ вниманіе на то, на что обращалъ вниманіе и самъ поддѣлыватель, т. е. на сходство буквъ по рисунку, тогда какъ сличители занимаются лишь тѣми элементами почерка, о существованіи которыхъ поддѣлыватель не подозрѣвалъ, т. е. на особенности построенія письма. Отсюда понятно, что если для экспертизы поддѣланной рукописи будутъ приглашены, совмѣстно, распознаватель и сличитель, они *непремѣнно* придутъ къ заключеніямъ прямо противоположнымъ, какъ это и случилось въ дѣлѣ довѣрительныхъ надписей Добродѣва.

Само по себѣ разногласіе въ заключеніяхъ распознавателя и сличителя для суда очень полезно; нужно только умѣть дать ему надлежащую оцѣнку.

Въ самомъ дѣлѣ, если при экспертизѣ подписей, подозрѣваемыхъ подложными,

1) распознаватель утверждаетъ сходство, а сличитель несход-

*) О. А. Кучинскій и нынѣ состоитъ судебнымъ слѣдователемъ 12 уч. гор. С.-Петербурга. Случай этотъ удостовѣренъ протоколомъ, имѣющимся при дѣлѣ.

**) 1. с.

ство почерковъ (первый по впечатлѣнію, второй по анализу), это доказываетъ наличность копирования, съ достиженіемъ внѣшняго успѣха.

2) распознаватель не находитъ сходства, тогда какъ сличитель утверждаетъ противное; разногласіе указываетъ на успѣшное измѣненіе писавшимъ своего почерка по внѣшнему виду (умышленное или болѣзненное).

Наоборотъ, когда между распознавателемъ и сличителемъ оказывается согласіе по вопросу о сходствѣ экспертируемыхъ подписей, судъ не въ состояніи сдѣлать никакого прямого вывода изъ ихъ согласнаго заключенія; оно получаетъ смыслъ только для освѣщенія другихъ данныхъ по дѣлу.

Объяснить послѣднее не трудно. Сходство признаваемое обоими экспертами, даетъ мѣсто цѣлому ряду предположеній, одинаково вѣроятныхъ: 1) нѣтъ ни поддѣлки, ни измѣненія, т. е. подпись сдѣлана тѣмъ самымъ лицомъ, которому приписывается; 2) поддѣлка совершена не ручнымъ способомъ, сохраняющимъ, какъ это понятно, сходство и по внѣшнему виду и по построенію; 3) сходство достигнуто *медленнымъ* копированіемъ, послѣ продолжительной тренировки руки (послѣднее необходимо для того, чтобы избѣжать слѣдовъ такъ называемаго „рисованія“); 4) подпись сдѣлана близкимъ кровнымъ родственникомъ лица, которому приписывается, напр. братомъ, сыномъ, отцомъ (случаи очень часто встрѣчающіеся въ практикѣ); у такихъ родственниковъ сходство *въ построеніи* бываетъ почти всегда, а часто къ нему присоединяется и сходство внѣшнее.

При *несходствѣ*: 1) Требованіе по документу адресовано ошибочно, напр. къ однофамильцу сдѣлавшаго подпись; 2) подлогъ совершенъ безъ копирования (часто случается въ коммерческомъ мѣрѣ, когда ставятъ чужой бланкъ на вексель для учета, съ надеждой выкупить въ срокъ); 3) неудачное копированіе скорописью, безъ достиженія той степени сходства съ копируемымъ образцомъ, которые достаточны для общаго впечатлѣнія; 4) очень искусное измѣненіе своего почерка, возможное при продолжительной тренировкѣ руки, соединенной съ основательнымъ изученіемъ почерковъ своего и копируемаго.

Кромѣ приведенныхъ, существуетъ еще множество другихъ предположеній. Такимъ образомъ, разногласіе между распознавателемъ и сличителемъ является болѣе положительнымъ результатомъ ихъ совмѣстной работы, чѣмъ согласіе въ приговорахъ.

Судъ обращается, одинаково, къ распознавателю и къ сличителю съ увѣщаніемъ „говорить только одну правду, памятуя и проч.“, забывая, что правды этихъ лицъ не одинаковы. Вообще въ судебномъ процессѣ налицо три разныя правды: правда свидѣтеля, правда эксперта и правда судьи.

Положимъ, для прилѣра, что разсмотрѣніи суда подлежитъ во-

прось о томъ, земля-ли вращается вокругъ солнца или, наоборотъ, солнце около земли? Допрашивается свидѣтель:

„Я видѣлъ вчера“, говоритъ онъ, „что солнце *вышло* изъ-за лѣса, *прошло* по небу и *опустилось* вечеромъ въ море“.

Такова правда свидѣтеля и распознавателя (вообще, „опытнаго“ лица). Вызывается экспертъ *свидѣющее* лицо; онъ видѣлъ, конечно, то самое, что свидѣтель, показывать-же обязанъ не о томъ лишь, что видѣлъ, но объяснить явленіе, сообразивъ съ другими, имѣющими съ ними связь.

— „Не солнце двигалось по небу“, показываетъ экспертъ, „но земля вращалась вокругъ оси, доказательствомъ чему служатъ“... и т. д.

Передъ судьей двѣ правды, одна другую исключая. Яркое, лѣтнее солнце слѣпнеть судью глаза, отражаясь отъ лежащей на столѣ бѣлой бумаги; оно мѣшаетъ ему писать, мѣшаетъ смотрѣть... Но,— въ законѣ ясно сказано, что солнца совсѣмъ нѣтъ и быть не должно; судья, вопреки показаніямъ свидѣтеля и эксперта, вопреки показаніямъ собственныхъ глазъ и разсудка, создаетъ третью правду: принимая во вниманіе, что, на основаніи ст. ст. такихъ-то, солнце не существуетъ, судъ постановилъ и проч...

Практикой нашихъ судовъ принято, въ подобныхъ случаяхъ, „въ виду разногласія экспертовъ“, требовать заключеніе отъ другихъ свѣдущихъ людей...

Постоянное требованіе судомъ отъ распознавателей почерковъ мотивированныхъ заключеній внесло большую путаницу въ дѣло пользованія экспертизой документовъ. Наиболее яркій примѣръ представляетъ дѣло Дрейфуса: въ стремленіи придать характеръ научности своимъ приговоромъ, распознаватели доходили до нелѣпостей невѣроятныхъ и въ этомъ отношеніи первымъ былъ Бертильонъ *), заставившій слушателей подвергнуть сомнѣнію нормальность его душевнаго состоянія. Донытываться отъ распознавателя почему именно почерки производятъ на него впечатлѣніе сходства или несходства такъ же странно, какъ заставлятъ человѣка объяснить причины, по которымъ одна пища ему кажется вкусной, а другая невкусной. Кромѣ *да* или *нѣтъ* отъ распознавателя ничего нельзя требовать; при этомъ должно самымъ рѣшительнымъ образомъ противиться употребленію этимъ экспертомъ увеличительныхъ стеколъ потому, что ограничивая поле зрѣнія, такія стекла

*) Бертильонъ представилъ *планъ* экспертизы: крѣпость съ бастіонами, траншеями и проч. въ центрѣ которой посаженъ Дрейфусъ. Эксперты осаждаютъ крѣпость, закладывая параллели и, въ концѣ концовъ гарнизонъ сдается!!! Вообще, въ заключеніи Бертильона оказалось такъ много „странностей“, что въ засѣданіи 4 іюля 1899 г. парижскій муниципальный совѣтъ обсуждалъ вопросъ, о томъ, можетъ ли Бертильонъ отправлять свои обязанности директора антропометрическаго бюро или его слѣдуетъ устранить, какъ больного!

отвлекаютъ его къ деталямъ почерка, тогда какъ нужно только общее впечатлѣніе. *) Увеличительное стекло въ рукахъ распознавателя—великое зло и ему, въ значительной мѣрѣ, мы обязаны плачевнымъ состояніемъ экспертизы документовъ.

Употребленіе распознавателями увеличительныхъ стеколъ имѣетъ и другія серьезныя неудобства, помимо того, что склоняетъ ихъ къ разсматриванію подробностей. Какъ уже сказано, поле зрѣнія при употребленіи лупы очень ограничено: мы видимъ одну или двѣ буквы. Поэтому, для сравненія двухъ одноименныхъ буквъ или знаковъ, экспертъ долженъ переносить свою лупу на другое мѣсто рукописи и даже на другую рукопись, на что потребуется время вполне достаточное для того, чтобы забыть подробности первой буквы. Актъ сличенія состоитъ въ накладываніи одного зрительнаго впечатлѣнія на другое, въ совмѣщеніи впечатлѣній не въ сферѣ образовъ воспоминаній, но на концевой (периферической) части зрительнаго органа. Точныя наблюденія лейпцигской психометрической лабораторіи доказали, что зрительное впечатлѣніе сохраняется на сѣтчаткѣ не болѣе 0,073 секунды, послѣ чего передается соотвѣтствующему мозговому центру и замѣщается новымъ **) Самое быстрое перенесеніе лупы требуетъ болѣе чѣмъ 0,073 секунды; отсюда слѣдуетъ, что въ то время, когда разсматривается новая буква, предъидущій образъ необходимо снова вызвать изъ области воспоминаній. Проверить невозможность возстановленія съ полной точностью разъ исчезнувшаго съ периферіи образа очень легко; для этого стоитъ показать самому опытному сличителю фигуру (букву) на бумагѣ и, затѣмъ, пригласить его начертить ту же фигуру на память; получится нѣчто совсѣмъ непохожее.

Къ какимъ поразительнымъ ошибкамъ приводитъ сличеніе при по-

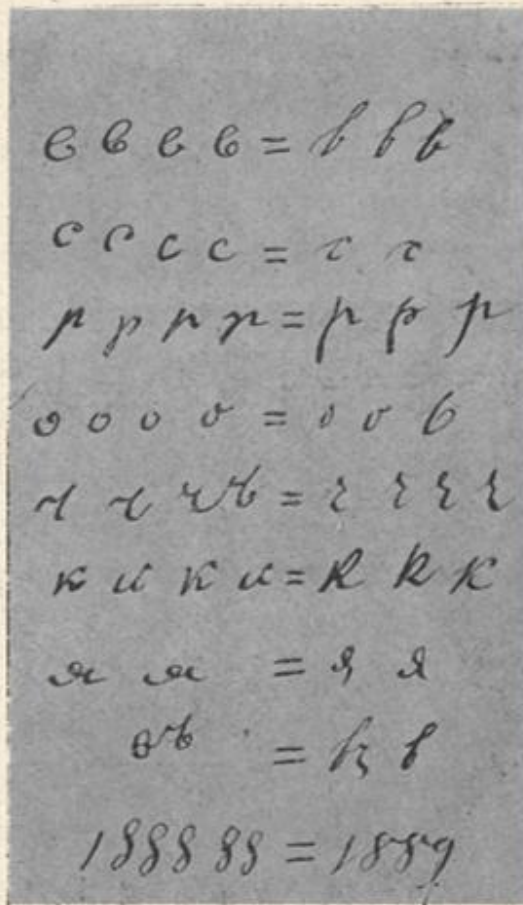
*) Различія между *мнѣніемъ* и *заключеніемъ* судебныя дѣятели не вѣдаютъ: зачастую изрѣченіе каллиграфа именуется заключеніемъ, а изслѣдованіе судебного врача—мнѣніемъ! Любопытно, что это смѣшеніе понятій усматривается и въ судебныхъ уставахъ, т. е. иногда употребляется слово *мнѣніе*, а иногда—*заключеніе*. Еще Платонъ училъ, что „мнѣніе (*δόξα*) не такъ точно какъ заключеніе (*πίστις*), но болѣе точно чѣмъ догадка (*εἰκασία*)“. Слово „мнѣніе“ приложимо, на примѣръ, къ показанію „опытныхъ“ людей, тогда какъ свѣдующіе люди даютъ „заключеніе“. Мнѣніе получается путемъ простаго воспріятія явленія внѣшними чувствами, а заключеніе даетъ „то, что истинно“, посредствомъ перехода отъ идей къ идеямъ *εἰδέναι αὐτοῖς, διαύτην εἰς αὐτά*). Для установленія мнѣнія не требуется никакой науки; никакія искусственныя правила не могутъ сдѣлать мнѣніе болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ каково оно само по себѣ. Мнѣніе „опытнаго“ лица должно быть результатомъ чистой интуиціи и даже не такъ называемымъ „мгновеннымъ умозаключеніемъ“ вродѣ, на примѣръ, оцѣнки разстоянія.

**) Цифра эта получена путемъ многочисленныхъ опытовъ и наблюденій, помощью самыхъ точныхъ хроноскоповъ. Для уясненія физической невозможности сличать почерки при помощи лупы, можно рекомендовать весьма интересныя статьи въ журналѣ лейпцигской лабораторіи „*Philosophische Studien*“, а также въ *The Mind*. 1888, № 1; *Cattel. Psychological Laboratory of Leipzig* и *Kibot: De la durée des actes psychol (Psychologie Allemande)*.

Сличеніе и распознаваніе почерковъ

(по дѣлу и подлогѣ довѣренностей Добродѣева).

Буквы почерка Богомолова.

Буквы почерка подложныхъ довѣренностей.

Съ рукописей Богомолова и съ подложныхъ довѣренностей были сдѣланы фотографическіе снимки, вырѣзаны тѣ самыя буквы, которыя эксперты находили поразительно сходными между собою и, затѣмъ, буквы эти наклеены рядомъ (на лѣвой сторонѣ буквы почерка Богомолова, на правой почерка подложныхъ довѣренностей).

мощи лупы, можно видѣть изъ рассказаннаго выше дѣла о подлогѣ довѣренностей Добродѣева. Сличая почеркъ подложныхъ довѣренностей съ почеркомъ Б., потерпѣвшій, слѣдователь и три опытнѣйшихъ эксперта пришли къ заключенію о полномъ сходствѣ почерковъ и отмѣтили 9 буквъ особенно сходныхъ. Прилагаются точные фотографическіе снимки этихъ буквъ:

На лѣвой сторонѣ буквы почерка Б., на правой буквы довѣренностей; эксперты находили, первоначально, чрезвычайное сходство между буквами лѣвой и правой стороны, но когда буквы были поставлены рядомъ, они не повѣрили, что это точные снимки съ тѣхъ же самыхъ буквъ и произвели повѣрку.

По той же причинѣ нельзя предлагать распознавателю оперировать съ рукописями, вшитыми въ разныя мѣста тетради „дѣла“: слишкомъ ужъ великъ промежутокъ времени между зрительными впечатлѣніями. Поступать такимъ образомъ, значитъ идти на встрѣчу ошибкѣ. Мнѣ много разъ приходилось быть свидѣтелемъ, что эксперты-распознаватели находили сходство въ почеркахъ рукописей вшитыхъ въ дѣло, а потомъ когда имъ давали тѣ же самыя рукописи вынутыми изъ „дѣла“, они сами изумлялись своему приговору.

Не менѣе вредно давать распознавателямъ фотографическія увеличенія сравниваемыхъ подписей: эти увеличенія, такъ же какъ и употребленіе лупы, уменьшаютъ поле зрѣнія и выдвигаютъ подробности весьма интересныя для сличителя, но совсѣмъ не пужныя для распознавателя. Важно уловить только то, что принято называть характеромъ почерка, опредѣляемымъ совокупностью всѣхъ его элементовъ. Фотографическія увеличенія безусловно необходимы для сличителей; что же касается распознавателей, я предложилъ бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, давать имъ даже уменьшенныя изображенія, напр. когда сравниваются не однѣ подписи, но цѣлыя рукописи. Такіе уменьшенные снимки, скрывая мелкія подробности построенія почерка, даютъ возможность легче обозрѣть всю рукопись сразу и тогда впечатлѣніе сходства или несходства окажется гораздо полнѣе.

Допросъ распознавателей обязательно производить въ залѣ засѣданія суда (если это возможно), а не отсылать ихъ въ особую комнату; ясно, что чѣмъ меньше времени будетъ дано распознавателю на разсматриваніе рукописей, тѣмъ непосредственнѣе будетъ его мнѣніе, тѣмъ меньше оно будетъ зависѣть отъ подробностей и уклоненій почерка, а это все, что отъ него требуется.

Мнѣніе распознавателя, въ извѣстныхъ случаяхъ очень полезное для суда само по себѣ, теряетъ всякое значеніе если оно не свободно отъ вліянія детальнаго разсматриванія почерковъ; тогда оно перестаетъ быть мнѣніемъ распознавателя, не дѣлаясь, однако, заключеніемъ изслѣдователя.

Англійскій законъ поступаетъ правильно, совсѣмъ не признавая особыхъ экспертовъ-распознавателей и предпочитая обращаться къ свидѣтелямъ, знакомымъ съ почеркомъ лица, чья рукопись подлежитъ экспертизѣ. Эти свидѣтели не подумаютъ разбираться въ подробностяхъ почерка, тогда какъ у профессионаловъ-распознавателей, часто привлекаемыхъ къ производству экспертизы, такая вредная привычка возрастаетъ вмѣстѣ съ практикой.

Эксперту-сличителю необходимо быть знакомымъ съ подробностями того гражданскаго или уголовнаго дѣла, по которому онъ призванъ произвести графическое изслѣдованіе; эксперта-распознавателя нѣтъ никакой надобности посвящать въ эти подробности, потому что знаніе ихъ не останется безъ вліянія на его мнѣніе о сходствѣ или несходствѣ. Первый дѣйствуетъ съ объективными данными, значеніе которыхъ не всегда ясно безъ соображенія съ обстоятельствами дѣла; второй высказываетъ только свое субъективное мнѣніе, которое тѣмъ дороже, чѣмъ свободнѣе отъ всякихъ постороннихъ давленій. Лучше всего было бы предъявлять распознавателямъ не самые документы, но фотографическіе снимки тѣхъ мѣстъ рукописей, о которыхъ имъ предстоитъ высказаться. Въ 1890 году одинъ изъ судебныхъ слѣдователей Спб. окружнаго суда *) произвелъ, по моему совѣту, слѣдующій опытъ. Оспаривалась подпись подъ векселемъ купца П. и въ коммерческомъ судѣ эксперты признали подпись несходною съ несомнѣнными, *а потому* подложною. Когда дѣло поступило къ судебному слѣдователю, пришлось вызвать тѣхъ же самыхъ экспертовъ, но, прежде чѣмъ предъявить имъ заподозрѣнный документъ и несомнѣнныя рукописи П., слѣдователь распорядился сдѣлать фотографическіе снимки съ подписей, какъ заподозрѣнныхъ, такъ и всѣхъ несомнѣнныхъ (всего 22 подписи) и наклеить ихъ на отдѣльныя карточки; затѣмъ, вся эта колода картъ была вручена экспертамъ съ просьбой найти ту подпись, которую они въ коммерческомъ судѣ признали подложною. Послѣ очень долгаго разсматриванія, эксперты указали, какъ подложную, подпись П. на нотаріальномъ актѣ, подлинность котораго не подлежала никакому сомнѣнію. Этимъ опытомъ я хотѣлъ показать наглядно, къ чему способны привести вылазки гг. распознавателей въ область изслѣдованія почерковъ и какую цѣну слѣдуетъ придавать формулѣ „несходна, *а потому* подложна!“

Различіе задачъ экспертовъ-сличителей и экспертовъ-распознавателей естественно выдвигаетъ вопросъ — имѣются ли въ распоряженіи суда средства для того, чтобы опредѣлить къ какому классу слѣдуетъ отнести данное лицо — къ распознавателямъ или сличителямъ? Кого слѣдуетъ вызывать для распознаванія почерковъ и кого для изслѣдо-

*) Баронъ К. А. Раушъ фонъ-Траубенбергъ.

ванія? Каждый каллиграфъ или граверъ выдаетъ себя за свѣдущее въ почеркахъ лицо, могущее не только установить фактъ сходства или несходства почерковъ, но и объяснить причины того или другого. Никакое ученое учрежденіе не удостоверяетъ чье нибудь знаніе въ области изслѣдованія письменной рѣчи; изслѣдованіе почерковъ какъ промыселъ тоже не существуетъ, если не считать непригодной для судебной экспертизы психографологіи!

По моему мнѣнію, наиболѣе удачнымъ разрѣшеніемъ этого важнаго вопроса было бы такое: оставивъ *распознаваніе* граверамъ, каллиграфамъ и т. п. лицамъ (можно даже приглашать типографовъ и литографовъ), поручать экспертизу сличенія исключительно врачамъ-невропатологамъ.

Мнѣніе это я основываю на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Хотя врачи невропатологи рѣдко интересуются физиологіей и патологіей письменной рѣчи, но въ случаѣ обращенія къ нимъ требованія суда по *изслѣдованію* почерковъ, они, по крайней мѣрѣ, не станутъ вводить его въ заблужденіе разными „пламевидными“ штрихами *), но постараются посоветоваться съ книгами, трактующими о нормальныхъ и болѣзненныхъ почеркахъ.

2) Постоянными приглашеніями врачей невропатологовъ для анализа почерка, судъ вынудитъ ихъ изучить эту отрасль судебной медицины и, такимъ образомъ, создастъ постоянный контингентъ свѣдущихъ въ изслѣдованіи рукописей людей, знанія которыхъ удостовѣрены университетомъ или медицинской академіей.

3) Такой экспертъ, представляя суду свое заключеніе, укажетъ связь между наблюденіями и выводами, на что положительно неспособны гг. каллиграфы, граверы и др. малообразованные люди, вообще непривычные къ какимъ бы то ни было систематическимъ изслѣдованіямъ.

Послѣднее соображеніе кажется мнѣ особенно убѣдительнымъ. Для чего требуется судомъ отъ эксперта мотивированное заключеніе? Конечно для того, чтобы судьи могли войти въ оцѣнку правильности логическихъ построеній эксперта, законности перехода отъ сопоставленія наблюденныхъ фактовъ къ окончательному выводу. Эксперты каллиграфы тоже даютъ мотивированныя заключенія, но эти послѣднія отличаются отъ немотивированныхъ тѣмъ только, что требуютъ больше бумаги для письменнаго изложенія. Не все ли равно, скажетъ ли экспертъ просто „подпись подложна“ или добавитъ, что подложною онъ считаетъ *потому*, что петля или росчеркъ у такой то буквы идетъ не вверхъ, а внизъ? Для суда останется тайной, въ силу чего

*) До „пламевидныхъ“ штриховъ додумались эксперты въ Минскѣ, по дѣлу Нохима Барона, въ 1898 г.

то или другое направлѣніе петли или росчерка должно служить признакомъ подложности, а не подлинности подписи? Врачъ, имѣющій свѣдѣнія въ механикѣ письма, доложить суду, что строеніе руки лица, писавшаго рукопись А, поскольку строеніе это опредѣляется почеркомъ рукописи, не позволяло этому лицу вывести твердою рукою штрихъ, усмотрѣнный въ рукописи Б. и, въ доказательство, дать суду основанныя на исполнѣ научныхъ данныхъ объясненія.

Кстати прибавлю, что побудивъ врачей невропатологовъ изучать письмо, судъ окажетъ услугу не только правосудію, но и вообще человѣческому знанію. Очень многіе вопросы исторіи могли бы быть легко и съ несомнѣнностью разрѣшены изученіемъ почерка того или другого лица въ отношеніи его нормальности или болѣзненности. Развѣ въ нескончаемомъ спорѣ о Дмитріѣ Самозванцѣ не явился бы цѣннымъ положительный выводъ сравнительно—научнаго изслѣдованія почерка этого загадочнаго лица съ почеркомъ Грознаго царя, если бы этимъ выводомъ было установлено, что большая часть основныхъ элементовъ почерковъ *) совпадаетъ или что одинаковыхъ основныхъ элементовъ въ сравниваемыхъ почеркахъ совсѣмъ нѣтъ? Можно указать множество такихъ же вопросовъ изъ области антропологии, этнографіи, филологіи и др. родственныхъ наукъ.

Существуютъ защитники каллиграфической экспертизы не только какъ орудія распознаванія почерковъ, но и какъ средства изслѣдованія. Такіе защитники ссылаются, обыкновенно, на удачныя отвѣты учителей чистописанія, напр. по дѣлу игуменьи Митрофаніи, князя Долгорукаго и др. Если бы въ судахъ принято было рѣшать дѣла о подлогахъ при помощи раскладыванія гранъ-пасьянса, то и тогда, разумѣется, были бы случаи удачи—но, развѣ эти случаи доказывали бы пригодность гранъ-пасьянсной экспертизы?

Положимъ, для примѣра, что выводы каллиграфической экспертизы основываются на слѣдующихъ наблюденіяхъ **).

1. Въ начертаніи буквы *у* въ подлинной подписи и подложной явствуется разница.

2. Въ твердомъ знакѣ *ъ* въ подложной подписи окончаніе идетъ двумя волнообразными поворотами внизъ, а въ подлинной сперва внизъ, а потомъ вверхъ и наружу.

3. Буква *в* соединена съ *ь*, и таже буква въ подлинной подписи не соединена.

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ.

*) Основные элементы, какъ будетъ объяснено далѣе, зависятъ только отъ физическихъ особенностей пишущаго.

**) Примѣръ взятъ изъ дѣла о подлогѣ духовнаго завѣщанія Г—ва. См. статью Н. А. Козлова въ „Фотографическомъ Ежегодникѣ“ Дементьева на 1895 г.

Для того, чтобы усмотрѣть всѣ эти волнообразные повороты и соединенія между буквами, не надо быть экспертомъ, свѣдущимъ лицомъ. Это, если хотите, совсѣмъ не экспертиза, а осмотръ. Отвѣтъ свѣдущихъ людей сошелся съ обстоятельствами дѣла, но это объясняется не достоинствомъ изслѣдованія, а тѣмъ, что экспертиза производилась, когда подложность документа безповоротно была доказана слѣдствіемъ.

Доказываютъ-ли замѣченныя различія, сами по себѣ, что нибудь? Изъ чего видно, что тотъ, чья подпись поддѣлана, долженъ былъ написать такъ, а не иначе, а поддѣлыватель не могъ повторить тѣ же приемы? Странно, въ самомъ дѣлѣ; человекъ желаетъ скопировать букву Ъ, имѣющую окончаніе двумя волнообразными поворотами, а рисуетъ что-то совсѣмъ другое; въ подлинникѣ поперечина у буквы Г идетъ сверху внизъ, а копирующей дѣлаетъ ее, словно нарочно, снизу вверхъ! Предполагать, что поддѣлыватель не хотѣлъ получить точную копію оригинала—было бы нелѣпо; значитъ надо думать, что онъ не могъ, при всемъ желаніи, воспроизвести точно такія же буквы, но вынужденъ былъ дѣлать отступленія. Представьте себѣ, что человекъ съ короткими ногами идетъ по слѣдамъ человека съ длинными ногами; понятно, что нѣкоторыя движенія послѣдняго не удадутся первому, напр., черезъ канаву длинноногій перешагнулъ, а коротконогому приходится перескочить. То же самое и въ почеркѣ, вполнѣ зависящемъ отъ анатомическихъ особенностей пишущаго: одинъ легко дѣлаетъ какое-нибудь закругленіе, а у другого на этомъ же мѣстѣ выйдетъ уголь. Но, тогда *различія приемовъ можно прослѣдить на пространствѣ всей изслѣдуемой рукописи, т. е. повсюду* закругленія замѣнятся углами, буквы въ одинъ приемъ *повсюду* окажутся въ два приема (недостатокъ напряженія руки у поддѣлывателя) и т. п. Если, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поддѣлывателю и удастся сдѣлать насиліе надъ своимъ почеркомъ, то закругленіе выйдетъ рисованное, буквы въ одинъ приемъ обнаружатъ переломы и дрожаніе въ восходящихъ лініяхъ и проч. Собравъ всѣ такія наблюденія, *связанныя одной общей идеей* вы получите наглядное доказательство, что поддѣлыватель *не могъ* писать такъ какъ хотѣлъ и *потому* получилось несходство.

Возьмемъ примѣръ въ томъ же протоколѣ экспертизы. „Нижняя часть буквы Д, говорятъ эксперты, въ подложной подписи, въ словѣ Владиміръ, закруглена, а въ подлинной угловато загнута вверхъ и внизъ“. Это наблюденіе наводитъ на мысль, что поддѣлывателю свойственно дѣлать закругленія въ буквахъ, а если это такъ, то необходимо изслѣдовать въ подписяхъ *всѣ* закругленія и углы, для того чтобы убѣдиться, что несходство замѣченное въ буквѣ Д. *не случайное. Только тогда* наблюденіе имѣетъ цѣну, а безъ того оно ничего доказывать не можетъ. Отъ *свѣдущихъ* въ почеркахъ людей

ождается не только указаніе на факты, но освѣщеніе фактовъ, объясненіе связи между ними, тогда какъ отъ „опытныхъ“ людей можно требовать лишь отчетъ о впечатлѣніи, какое произвели на нихъ слышаемые почерки.

Принимая выводъ, сдѣланный экспертами изъ ихъ наблюденій придемъ къ слѣдующему невозможному положенію:

<i>Въ подложной подписи.</i>	<i>Въ подлинной подписи.</i>
стр. 140—Нижняя часть буквы <i>д</i> закруглена.	<i>угловата.</i>
стр. 142—Буква <i>С</i> острая.	<i>закруглена.</i>
стр. 142—Буква <i>н</i> писана въ 1 приемъ.	<i>въ два приема.</i>
стр. 143—Буква <i>н</i> писана въ 2 приема.	<i>въ одинъ приемъ.</i>
стр. 140—Буква <i>о</i> соединена съ слѣдующей.	<i>не соединена.</i>
стр. 142—Буква <i>о</i> не соединена съ слѣдующей.	<i>соединена.</i>

Гдѣ надо закруглить, поддѣлыватель заострялъ, а гдѣ надо заострить, тамъ закруглялъ; если буква подлинника въ 1 приемъ, то онъ писалъ въ 2 приема, а если тамъ 2 приема, то онъ на зло дѣлалъ только одинъ приемъ; гдѣ соединено, тамъ онъ не соединялъ, а гдѣ не соединено, тамъ соединялъ и проч. и проч... Большой руки шутникъ былъ этотъ поддѣлыватель!

Изъ всего этого ясно, что гг. эксперты представили протоколъ осмотра подписей, а заключеніе сдѣлали не на основаніи наблюденій, а по другимъ соображеніямъ.

Возьму еще, для примѣра, экспертизу почерковъ, произведенную судебнымъ фотографомъ въ лабораторіи при прокурорѣ Спб. судебной палаты, при помощи фотографическихъ увеличеній. Вотъ протоколъ экспертизы полностью:

«1895 года, октября 7 дня, въ судебно-фотографической лабораторіи, учрежденной при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты присяжнымъ фотографомъ произведено судебно-фотографическое изслѣдованіе документовъ, доставленныхъ 1 гражданскимъ Департаментомъ Виленской Судебной Палаты: 1) подписи отъ имени графа на условіи отъ 31 Іюля 1892 года [$\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. в}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. г}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. д}}$]. 2) Подписи графа на проктѣ купчей крѣпости отъ 27 Іюля 1892 года, совершенной въ конторѣ Минскаго Нотаріуса Фотинскаго [$\frac{\text{№ 11}}{\text{лит. а}}$]. 3) Бланковой подписи графа К. на оборотѣ векселя отъ 31 Іюля 1892 года на 1000 р., выданнаго мѣщаниномъ Б. [$\frac{\text{№ 3}}{\text{лит. а}}$]. 4) Подписи отъ имени графа К. на условіи отъ 31 Іюля 1892 года [$\frac{\text{№ 18}}{\text{лит. а}}$]. 5) Подписи графа К. отъ 23

Апрѣля 1893 года на довѣренности, выданной Присяжному Повѣренному П. [№ V / лит. а]. — Вышепоименованные документы были фотографированы на обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ.—Негативы были изготовлены бромо-серебряно колліоннымъ способомъ Д-ра Альберта при электрическомъ свѣтѣ двухъ вольтовыхъ дугъ при напряженіи въ 40 вольтъ и 20 амперъ; въ коллодій прибавлено красящее вещество подъ Лит. «Р», причемъ при сниманіи употребленъ объективъ Росса «rapid simmetrical» 22×18 со второю діафрагмою.—Засимъ снимки воспроизведены проэкріоннымъ аппаратомъ системы Истмена, освѣщеннымъ электрическою дугою въ 5 амперъ при 40 вольтахъ, свѣтъ которой проходилъ чрезъ конденсаторъ, послѣ чего на бромо-серебряной бумагѣ Илфорда изготовлены оттиски, увеличенные до 120 разъ (квадратно). Полученные снимки наклеены на картонъ и снабжены №№ и штемпелемъ лабораторіи и подписью присяжнаго фотографа. — При сличеніи означенныхъ снимковъ усмотрѣно: 1) Буква «р» въ словѣ «Графъ» въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа на условіи отъ 31 Іюля 1892 года № 1 / лит. б. имѣеть на себѣ явственныя признаки рисованности, а именно: въ нижней своей части означенная буква «р» кончается двумя штрихами: № 1 / лит. б. (1) болѣе полнымъ штрихомъ и № 1 / лит. б. (2) болѣе свѣтлымъ штрихомъ. 2) Буква «ъ» въ словахъ «Графъ» въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа К. № 1 / лит. а., № 1 / лит. б., № 1 / лит. в., № 1 / лит. г., № 1 / лит. д., № IV / лит. а., написана каллиграфически правильнѣе, нежели та же буква «ъ» во всѣхъ несомнѣнныхъ подписяхъ Графа К. № II / лит. а., № III / лит. а., № V / лит. а., а именно: въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа буква «ъ» въ словѣ «Графъ» написана такъ: № 1 / лит. а. (3), № 1 / лит. б. (4) ъ, а въ словѣ К. въ той же подписи такъ ъ № 1 / лит. а. (6) № 1 / лит. (?). (5) Во всѣхъ же несомнѣнныхъ подписяхъ своихъ Графъ Кейзерлингъ пишетъ букву «ъ» такимъ образомъ № II / лит. а. (7) ъ № III / лит. а. (8) ъ № 5 / лит. а. (9) ъ. 3) Прописная буква «К.» въ словѣ въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа на условіи отъ 31 Іюля 1892 г. явно рисована, на что указываютъ слѣдующія данныя: означенная буква «К» написана сперва такъ: № 1 / лит. а., № 1 / лит. в., № IV / лит. а. «К.», а затѣмъ уже она перерисована такимъ образомъ «К», то есть несомнѣнно буква эта написана въ три приема. Между тѣмъ во всѣхъ безъ исключенія заподозрѣнныхъ подписяхъ Графа та же буква «К.» всегда написана въ два приема № II / лит. а. (10) «V» № III / лит. а. (11) «г.» № V / лит. а. (12) «К» кромѣ того Графъ пишетъ букву «К» съ крючкомъ въ верхней ея половинѣ, а не безъ крючка, какъ она написана въ заподозрѣнной подписи «К». 4) Подписывая свою фамилію связываетъ прописную букву «К» въ словѣ съ послѣдующей буквою «е» № II / лит. а., № III / лит. а. (12) № V / лит. а. (14), въ заподозрѣнной же подписи отъ имени Графа прописная буква «К» съ буквою «е» № 1 / лит. а. (15) № 1 / лит. в. (16), № IV / лит. а. (17) не связана 5). Графъ въ несомнѣнныхъ своихъ под-

писяхъ не выписывать свою фамилію $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}, \frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. д}}, \frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, въ заподозрѣнной же подписи фамилія Графа К. выписана цѣликомъ. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. д}}, \frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, явно указываютъ на привычку его безъ росчерка не подписываться, въ заподозрѣнной же подписи отъ имени Графа К. (на условіи отъ 31 Іюля 1892 г. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. б}}$) росчеркъ отсутствуетъ $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}, \frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$. На основаніи всего вышеизложеннаго присяжный фотографъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что подпись отъ имени Графа К. на условіи отъ 31 Іюля 1892 г. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. б}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. в}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. г}}, \frac{\text{№ I}}{\text{лит. д}}, \frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, безъ всякаго сомнѣнія учинена не имъ, графомъ Гуго Карловичемъ, а кѣмъ либо другимъ и въ значительной мѣрѣ отличается отъ несомнѣнныхъ подписей Графа К. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Малевинскій.

Нужно сказать, что въ дѣлѣ К. съ Б., какъ и во всѣхъ дѣлахъ этого рода, предстояло рѣшить, поддѣлалъ ли еврей Б. подпись графа К. или гр. К. умышленно измѣнилъ свою подпись. Экспертъ не уполномоченъ входить въ соображенія генеалогическія и этнографическія и для него оба предположенія должны быть одинаково вѣроятны; онъ имѣетъ дѣло съ почеркомъ, а не съ людьми.

Экспертъ могъ ограничиться послѣдними строками, т. е. заявить безъ всякихъ объясненій, что онъ убѣжденъ въ подложности подписи К. Въ самомъ дѣлѣ, какой матерьяль даютъ для суда усмотрѣнныя экспертомъ различія въ буквахъ? Вѣдь, какъ ни повернуть дѣло — т. е. поддѣлалъ ли Б. подпись К. или этотъ послѣдній самъ старался измѣнить почеркъ — различія въ фигурахъ буквъ должны быть во всякомъ случаѣ. Одинаково вѣроятно, что Б. (поддѣльватель) неудачно скопировалъ букву К. и то, что гр. К. очень удачно написалъ букву не такъ, какъ пишетъ ее обыкновенно. Связи между наблюденіями и выводомъ не сдѣлано; подъ тѣмъ же протоколомъ, ничего въ немъ не измѣняя кромѣ вывода, позволительно написать: „на основаніи всего вышеизложеннаго, экспертъ пришелъ къ убѣжденію, что подпись отъ имени гр. К. на условіи, безъ всякаго сомнѣнія учинена имъ, графомъ К., съ желаніемъ скрыть свой обычный почеркъ“.

Я не вижу, почему послѣднее заключеніе менѣе логично вытекаетъ изъ содержанія протокола, чѣмъ первое?

По существу, это „изслѣдованіе“ не отличается отъ изслѣдованія экспертовъ-каллиграфовъ. Вся первая, фотографическая часть (число вольтовъ и амперовъ, прохожденіе свѣта черезъ конденсаторъ и пр.), никакого отношенія къ достоинству вывода не имѣетъ; она совершенно излишня для оцѣнки экспертизы. Не трудно понять, что верхній крючокъ какой-нибудь буквы К. фотографируемой подписи выйдетъ такимъ же

крючкомъ и на снимкѣ, независимо отъ того, сколько было вольтъ и амперъ или отъ того, проходилъ ли свѣтъ черезъ конденсаторъ или не проходилъ (кстати замѣчу, что иначе свѣтъ и не могъ проходить, слѣдовательно, упоминаніе о томъ излишне). Всѣ эти подробности, ни для чего невужныя при простыхъ увеличеніяхъ (а для діагноза онѣ, наоборотъ, слишкомъ недостаточны и неопредѣленны), способствуютъ, однако, тому, что судьи видятъ въ заключеніи фотографа не то, что оно есть въ дѣйствительности, т. е. не обыкновенную каллиграфическую экспертизу, а нѣчто большее, научно обоснованное и потому вынуждены отдавать ей предпочтеніе передъ равноцѣнными, но болѣе скромными по формѣ, заключеніями экспертовъ-каллиграфовъ. Очень печально. По этому дѣлу К. съ Б., гражданскій департаментъ Виленской судебной палаты высказался слѣдующимъ образомъ *):

«Хотя свѣдущія лица, преподаватели чистописанія и рисованія, сличавшіе ту же подпись гр. К. съ несомнѣнными его подписями на другихъ актахъ при производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, пришли къ противоположному выводу, признавъ подпись гр. К. на заподозрѣнномъ актѣ подлинною его подписью, но заключенію свѣдущаго лица Малевинскаго слѣдуетъ отдать предпочтеніе, такъ какъ тотъ способъ, которымъ онъ изслѣдовалъ подлинность подписи гр. К., представляется несравненно совершеннѣе того способа, какимъ подлинность этой подписи изслѣдовалась экспертами преподавателями чистописанія и рисованія».

Сравнимъ съ этимъ заключеніемъ присяжнаго фотографа заключеніе двухъ учителей чистописанія и секретаря Губернскаго Правленія, данное ими по тому же дѣлу гр. К. съ Б. въ Минскомъ окр. судѣ.

Протоколъ экспертизы.

1893 г., Октября 5 дня, мы нижеподписавшіеся, по предложенію Суда произвели экспертизу сличенія подписей подлинныхъ гр. К. имѣющихся на довѣренности, выданной Прис. пов. П. на свидѣтельство отъ 1890 г. Мая 30 дня и на письмѣ изъ Поневѣжа отъ 4 Ноября, а также и самый текстъ письма, съ его же, К., оснариваемой подписью на условіи отъ 31 Іюля 1892 г., на четырехъ гербовыхъ маркахъ. По сличеніи, эксперты пришли къ слѣдующему единоголосному заключенію.

Подлинныя подписи гр. К. имѣютъ полное тожество съ его заподозрѣнною подписью и въ формѣ буквъ съ ихъ элементами и въ формѣ воспроизведенія ихъ; напр. въ словѣ «Графъ» особенно характерны буквы прописная Г и ф. Всѣ элементы этихъ буквъ, какъ пламевидная (!!!) линія съ волнистою, такъ и полуовалы лѣвые и правые, съ петлею, совершенно тождественны и по приему

*) По гражд. департ. Вил. суд. палаты $\frac{\text{октября 31}}{\text{ноября 24}}$ 1895 г.

и по формамъ. Все слово «Графъ» фотографически точно, какъ въ подлинникахъ, такъ и въ закодированной (?). Въ фамилии К. также всѣ буквы тождественны; есть лишь одна черта въ прописной буквѣ К., имѣющая повтореніе верхняго элемента этой буквы, но эта черта не существенна, формы буквы не измѣняетъ и не наводитъ ни на какое подозрѣніе. Что же касается текста упомянутаго письма, таковой также положительно сходенъ съ оспариваемою подписью гр. К.

На основаніи изложенныхъ данныхъ (!) мы, эксперты, пришли къ заключенію, что подпись гр. К., воспроизведенная на четырехъ гербовыхъ маркахъ, *подлинная* (!!!). (Подписи)

Я позволю себѣ поставить вопросъ: для какой надобности въ обоихъ заключеніяхъ приведены мотивы, яко-бы обуславливающіе окончательные выводы? Помогаютъ ли они суду „точно уразумѣть встрѣтившееся въ дѣлѣ обстоятельство, требующее специальныхъ свѣдѣній“? Безъ колебанія утверждаю, что совсѣмъ не помогаютъ, ибо „красящее вещество Р“ г. присяжнаго фотографа и „пламевидныя“ линіи минскихъ каллиграфовъ, суть, въ свою очередь, обстоятельства, „для точнаго уразумѣнія которыхъ требуются еще болѣе спеціальныя свѣдѣнія“. И такъ безъ конца. Г. фотографъ признаетъ „повтореніе верхняго элемента въ буквѣ К.“ чрезвычайно существеннымъ и не только наводящимъ на подозрѣніе, но и рѣшительно доказывающимъ подложность подписи; минскіе каллиграфы совсѣмъ иного мнѣнія и убѣждены, что это „повтореніе“ совсѣмъ не существенно, формы буквы не измѣняетъ и къ подозрѣнію не приводитъ. Почему? Это суду остается неизвѣстнымъ. Присяжный фотографъ не задается вопросомъ, *почему* „три штриха въ нижней части буквы р“ или писаніе буквы К. въ три приема не могли быть слѣдствіемъ умышеннаго измѣненія своего почерка гр. К. (а, вѣдь, Б. утверждаетъ это). Если я измѣняю свой почеркъ, то непременно произвожу нѣкоторое рисованіе; когда я копирую чужой почеркъ, то тоже рисую. Надо же помочь суду „уразумѣть“, что рисованіе въ первомъ случаѣ бываетъ такое-то, а во второмъ такое-то и что въ данной подписи усматривается второе, а не первое.

Учителя чистописанія, съ обычной у этихъ специалистовъ рѣшительностью, признаютъ подпись *подлинною*, а не только сходною съ другими, несомнѣнными. Я не знаю, что такое „пламевидныя“ штрихи, но убѣжденъ, что солнце съумѣетъ скопировать ихъ не менѣе удачно, чѣмъ „волосныя“ и всякіе другіе. Какое же право имѣютъ гг. эксперты утверждать *подлинность* подписи, какъ будто предположеніе о неручныхъ поддѣлкахъ совершенно исключено въ настоящемъ случаѣ?

Случается, что сличители и распознаватели почерковъ, принимая на себя изслѣдованіе, прибѣгаютъ къ приемамъ совсѣмъ ужъ упрощеннымъ.

Такой приемъ употребленъ въ слѣдующемъ примѣрѣ (заключеніе по дѣлу о подлогѣ векселей нѣкоей г-жи Ш.).

А К Т Ъ.

1896 года Іюня 24 дня въ судебнo - фотографической лабораторіи, учрежденной при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты, присяжнымъ фотографомъ произведено судебнo-фотографическое изслѣдованіе документовъ, доставленныхъ Судебнымъ Слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Орловскаго Окружнаго Суда.

(Слѣдуетъ переименованіе документовъ).

Всѣ вышепоименованные документы были фотографированы на обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ. Негативы были изготовлены на бромo-желатинныхъ пластинкахъ Ильфордъ Process, при дневномъ свѣтѣ. Негативы $\frac{\text{№ I, II, III}}{\text{лит. а.}}$ изготовлены въ увеличенномъ видѣ въ камерѣ. Оттиски $\frac{\text{№ I, II, III}}{\text{лит. б.}}$ изготовлены на прозрачныхъ пленкахъ, причемъ, при сниманіи, употребленъ объективъ Цейса «Анастигматъ». Засимъ снимки воспроизведены проекціоннымъ аппаратомъ системы Истмена, освѣщеннымъ электрической дугой 5 амперъ при 40 вольтахъ, свѣтъ которой проходилъ черезъ конденсаторъ; послѣ сего на бромo-серебряной бумагѣ Ильфорда изготовлены оттиски, увеличенные до 28 разъ (квадратъ). Полученные снимки наклеены на картоны и снабжены №№ и тепчелями лабораторіи и подписью присяжнаго фотографа. При изслѣдованіи означенныхъ снимковъ усмотрѣно: 1) при наложеніи прозрачной пленки $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. б.}}$ (бланковая надпись Маріи Ш. на заемномъ письмѣ) на прозрачную пленку $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. б.}}$ подпись Маріи Ш. на оборотной сторонѣ заемнаго письма, послѣднія три буквы «ель» слова «Ш.» совпадаютъ между собой. Буквы «е», «й», «н» въ словѣ «Ш.» также совпадаютъ, но только съ той разницей, что каждая изъ упомянутыхъ буквъ совпадаетъ отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ при копированіи оригиналъ передвигался.

2) При наложеніи прозрачной пленки $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. б.}}$ бланковая надпись Маріи Ш. на заемномъ письмѣ на прозрачную пленку $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б.}}$ бланковая надпись Маріи Ш. на векселѣ послѣднія три буквы «ель» въ словѣ «Ш—ль» совпадаютъ между собою. Буквы «т», «е», «н», «и» также совпадаютъ между собою, но съ той разницею, что каждая изъ упомянутыхъ буквъ совпадаетъ отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ оригиналъ передвигался. На основаніи вышеизложеннаго присяжный фотографъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что бланковая надпись на заемномъ письмѣ отъ 4 марта 1895 года отъ имени Маріи Ш. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а.}}$ $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. б.}}$ надпись на оборотной сторонѣ того же заемнаго письма отъ имени Маріи Ш. $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а.}}$ $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. б.}}$ и бланковая надпись на векселѣ отъ 4 марта 1895 г. отъ имени Маріи Ш. $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а.}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б.}}$ скопированы съ одного и того же оригинала, а не писаны самой Маріей Ш. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты Малевинскій.

Вѣроятно, логика г. присяжнаго фотографа — „совпадаютъ, слѣдовательно, подложны“ — не убѣдила ни обвиняемаго, ни слѣдователей и потому на мѣстѣ, въ губернскомъ городѣ, дѣлаются на пленкахъ снимки съ нѣсколькихъ подписей одного лица и при наложеніи пленокъ одной на другую оказывается... совпаденіе! Недоумѣвающей слѣдователь вновь обращается къ присяжному фотографу съ вопросомъ, какъ сіе понимать слѣдуетъ и получаетъ отвѣтъ:

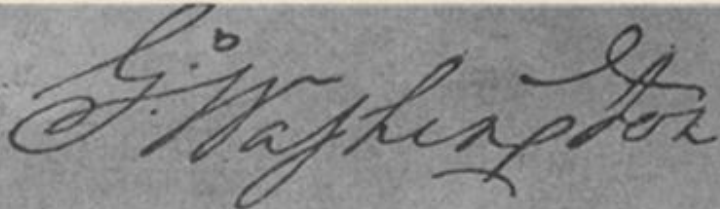
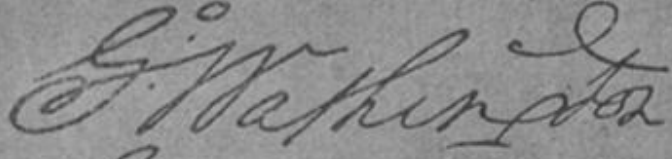
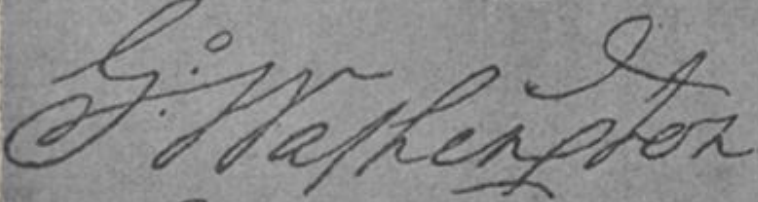
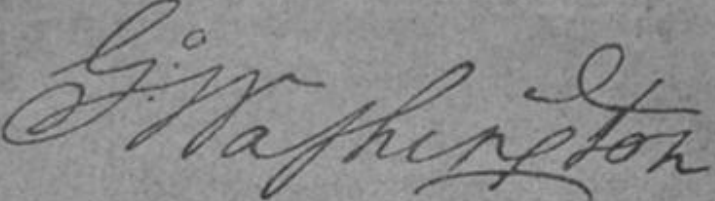
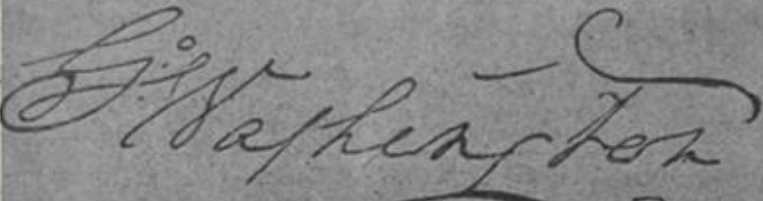
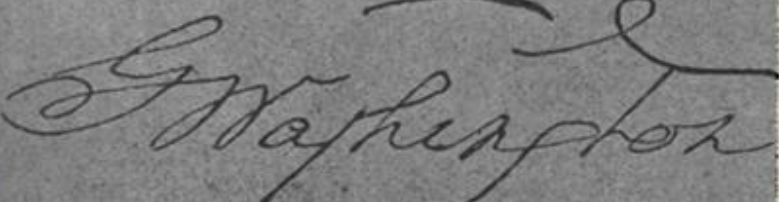
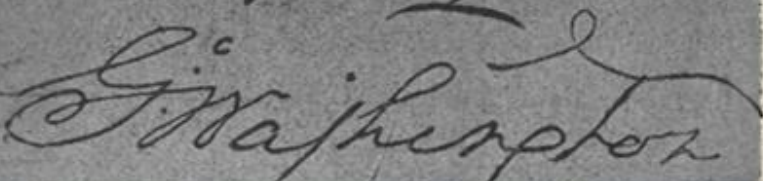
Разъяснить причины, въ силу которыхъ происходитъ совпаденіе отдѣльныхъ буквъ и ихъ соединеніе при наложеніи другъ на друга нѣкоторыхъ прозрачныхъ пленокъ, изготовленныхъ въ Харьковѣ, присяжный фотографъ не можетъ, такъ какъ ему неизвѣстно: а) обладалъ ли Харьковскій фотографъ въ данномъ случаѣ достаточными знаніями, необходимыми для изготовленія снимковъ съ документовъ, ибо способы, практикуемые въ семъ отношеніи судебными фотографами, столь отличаются отъ обыкновенныхъ приѣмовъ, употребляемыхъ фотографами вообще, что и лучшіе изъ послѣднихъ едва ли въ состояніи воспроизвести снимки, соответствующіе своему назначенію и б) *въ какой мѣрѣ приѣмы, употребленные при фотографированіи въ Харьковѣ соответствовали требованіямъ строгаго безпристрастія*, при недостаточномъ соблюденіи котораго въ практикѣ извѣстны случаи поразительныхъ ошибокъ и неточностей въ отдѣльныхъ снимкахъ. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Малевинскій.

Доводъ, помѣченный буквою а, имѣлъ бы нѣкоторое основаніе только въ обратномъ настоящему случаѣ, т. е., если бы у частнаго фотографа произошло несовпаденіе тамъ, гдѣ ожидалось совпаденіе. Естественно было бы предположить, напр., что аппаратъ сдвигали съ мѣста, вслѣдствіе чего разстояніе между снимаемой рукописью и объективомъ измѣнилось.

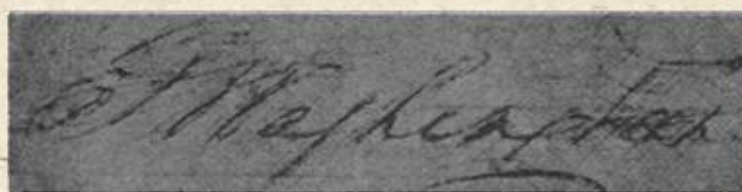
Но, рѣчь шла о другомъ: почему подписи, воспроизведенныя на пленкахъ совпали, тогда какъ, по ожиданію оффиціальнаго эксперта, не должны были совпадать, какъ подлинныя, а не подложныя! Слѣдователь могъ очень легко разрѣшить свое недоумѣніе: стоило послать въ существующія въ Россіи фотографическія общества запросъ, въ состояніи-ли самый искусный фотографъ сфотографировать несовпадающія, въ дѣйствительности, подписи такъ, чтобы при наложеніи снимковъ одного на другой получилось совпаденіе.

Вопросъ о возможности совпаденія подписей былъ возбужденъ еще въ 1886 году институтомъ Франклина, въ Филадельфій (Americ. Philosoph. Soc. in Philadelphia) и результаты произведенныхъ въ этомъ направленіи изслѣдованій изложены въ трудахъ означеннаго общества (см. P. Frazer, вся глава о комбинированныхъ снимкахъ). Между прочимъ, были взяты подписи Георга Вашингтона:

- 1) письмо отъ 18 октября 1776 г. къ брату Георга, Самуэлю.
- 2) „ „ 4 ноября 1777 г. изъ главной квартиры.

1. (1776 г.)
2. (1777 г.)
3. (1777 г.)
4. (1777 г.)
5. (1793 г.)
6. (1793 г.)
7. (1799 г.)

Подписи Георга Вашингтона, сдѣланныя въ разное время съ 1776 по 1799 г.

Результатъ суммированія (совмѣщенія негативныхъ пленокъ) подписей Георга Вашингтона.

(Заимствовано изъ книги Р. Frazer'a: The Manuel of Study of Documents. 1897. Philadelphia).

3) письмо отъ 27 сентября 1777 г. къ William Henry, изъ Ланкастеръ.

4) письмо отъ 22 февраля 1777 г. изъ главной квартиры въ Мористоунъ.

5) письмо отъ 26 сентября 1793 г. подпись подъ привиллегіей David Lenox.

6) письмо отъ того же числа.

7) „ „ 24 мая 1799 г., письмо къ Томасу Массону.

Между 1776 г. до 1799 г. двадцать три года *). Сложныя подписи были сдѣланы двумя способами: 1) по методу Galton'a фотографомъ Curtis Taylor'омъ и 2) по методу Truscott, имъ самимъ.

„Съ трудомъ вѣрится глазамъ, говоритъ Фрэзеръ (l. c.), что подписи человека, сдѣланныя имъ въ разное время въ теченіе 16 лѣтняго періода или съ 1776 до 1799 г., притомъ довольно длинныя, въ такой мѣрѣ совпадаютъ на пространствахъ 3 или 4 сантиметровъ и буквы занимаютъ всегда одно и то же положеніе!“

Замѣчу, при этомъ, что опыты обставлены были такъ, какъ умѣютъ дѣлать это только американскіе ученые, т. е. съ тщательностью и предосторожностью, исключаящими всякую возможность ошибки. Предварительно были фотографированы сложныя линейныя фигуры и только послѣ того, какъ стало несомнѣннымъ полное совпаденіе всѣхъ линий чертежа на 10 пленкахъ, было приступлено къ фотографированію подписей Вашингтона и то съ употребленіемъ контрольной сѣтки. Способъ Galton'a былъ примененъ къ экспертизѣ по дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія Robert Whitaker'a разсматривавшемуся въ Филадельфійскомъ судѣ. Взяты были подписи Witaker'a, несомнѣнно имъ сдѣланныя въ разное время, съ 1849 по 1854 гг. и совмѣщены, причемъ получилось *совпаденіе*; подпись же подъ завѣщаніемъ *оказалась не совпадающей*. Такимъ образомъ, эксперты въ Филадельфійи говорятъ суду, что „подписи подлинныя совпадаютъ, а подложная съ ними не совпадаетъ“, а въ Петербургѣ экспертъ утверждаетъ какъ разъ противоположное!

Я привелъ этотъ примѣръ для того, чтобы наглядно показать, что происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ экспертовъ не добиваются связи между наблюденіями и выводомъ. „Совпадаютъ — а потому подложны“. Почему одно изъ другого слѣдуетъ? А можетъ быть наоборотъ? Было-ли это доказано когда нибудь авторитетнымъ образомъ, устраняющимъ всякія сомнѣнія? Или, можетъ быть, механика письма не допускаетъ точныхъ повтореній и если да, то какъ это объясняется?

Американскій судъ поступилъ, какъ всегда, практично: онъ обра-

*) Заподозрѣнныя подписи Маріи Ш., которыя сравнивалъ г. Малевинскій посредствомъ наложенія, всѣ писаны въ одинъ день, 4 марта 1895 г.

тился къ ученому обществу и предложилъ произвести точнѣйшіе опыты, которые могли бы помочь ему, суду, *уразумѣть значеніе факта совпаденія пленокъ*.

Само собою разумѣется, что нельзя изъ формулы „подлинныя подписи совпадаютъ“ дѣлать обратное заключеніе „если подписи совпадаютъ, то онѣ подлинныя“. Такое обратное заключеніе будетъ столь же ошибочно, какъ и формула „подписи сходны, слѣдовательно подлинныя“, выведенная изъ другой, вѣрной „подлинныя подписи сходны“. Я дѣлаю эту оговорку потому, что мы, вообще, чрезвычайно склонны къ обратнымъ заключеніямъ; такъ, изъ положенія „экспертъ графологъ долженъ быть фотографомъ“, мы создали, Богъ вѣсть какими соображеніями, выводъ „фотографъ долженъ быть экспертомъ-графологомъ“.

Странно, что судъ никогда не замѣчаетъ грубѣйшія логическія ошибки экспертовъ. Экспертъ-фотографъ, основавшій свое заключеніе о подложности подписей на совпаденіе пленокъ, рассуждалъ такъ: если скопировать на просвѣтъ, нѣсколько разъ, одну и ту же подпись, то снимки съ этихъ копированныхъ подписей совпадутъ; *слѣдовательно*, если снимки съ какихъ-либо подписей совпадаютъ, то онѣ копированы на просвѣтъ съ одной и той же подписи. Иными словами: „всѣ *A* суть *B*; *слѣдовательно*, всѣ *B* суть *A*“. Говоря о такихъ заблужденіяхъ въ умозаключеніи, Д. С. Милль полагаетъ, что „эта обычная грубая форма ошибки совершается болѣе въ безмолвномъ мышленіи, чѣмъ при полномъ словесномъ выраженіи, потому что стоитъ ее ясно выразить и она тотчасъ же станетъ замѣтной. Наиболѣе дѣйствительное средство выставить эту ошибку на показъ—это облечь ее въ словесную форму“ *).

Мы видимъ, однако, что Д. С. Милль жестоко посрамленъ судебными экспертами. Они доказываютъ ежедневно, что „грубая форма ошибки“ (всѣ *A* суть *B*; слѣдовательно всѣ *B* суть *A*) можетъ оставаться незамѣченною не только при словесномъ, но даже при письменномъ ея выраженіи.

Вообще, по части логическихъ построеній, графическіе эксперты всегда придерживаются системы Мольеровскихъ врачей:

Mihi a docto doctore
 Domandatur causum et rationem quare
 Opium facit dormire.
 A quoi rispondeo,
 Quia est in eo
 Virtus dormitiva
 Cujus est natura
 Sensus assupire **)!

*) Милль, Д. С.—Система логики. Перев. Ивановскаго, 1899 г. стр. 649.
 **) *Le malade imaginaire* 3-me intermède. D-r Bachelierius.

(Ученый доктор спрашивает меня, по какой причинѣ и на какомъ основаніи опіумъ производитъ сонъ? На это я отвѣчаю: потому, что въ немъ есть снотворная сила, природа которой такова, что она усыпляетъ чувства)!

Мольеровскіе врачи, изрекая такія пошлости, по крайней мѣрѣ танцуютъ передъ зрителями балетъ; графическіе эксперты и этого не дѣлаютъ...

Прочитайте любое изъ приведенныхъ въ этой главѣ заключеній и увидите, что я не мало не преувеличиваю. Возьмемъ заключеніе по дѣлу о векселяхъ Маріи Ш. и построимъ соответствующій силлогизмъ:

- 1) Всѣ подписи, которыя совпадаютъ, подложны;
- 2) Подписи Маріи Ш. на векселяхъ совпадаютъ;
- 3) Подписи эти подложны.

Но вѣдь именно и требовалось доказать справедливость большой посылки, т. е. что „всѣ подписи, которыя совпадаютъ, подложны“ и требованіе это тѣмъ настоятельнѣе, что снимки, сдѣланные съ тѣхъ же подписей частнымъ фотографомъ не совпали. Здѣсь принято за основаніе то, что само по себѣ требовало доказательства.

По дѣлу гр. К. съ евреемъ Б. силлогизмъ получается такой:

- 1) Графъ К. *не можетъ* (даже при желаніи измѣнить почеркъ) писать букву к съ крючкомъ;
- 2) Въ заподозрѣнной подписи буква к писана съ крючкомъ;
- 3) Слѣдовательно, заподозрѣнная подпись писана не графомъ К.

Но, почему же бы гр. К. не въ силахъ написать букву К съ крючкомъ, если ему захочется это сдѣлать? Объ этомъ экспертъ не говоритъ ни слова; онъ просто выдаетъ произвольно созданное имъ положеніе за неоспоримое и на немъ воздвигаетъ доказательство!

„Никто въ здравомъ умѣ не приметъ предложеніе за выводъ, если оно оба раза выражено одними и тѣми же словами“ увѣряетъ опять Д. С. Милль (I. с. стр. 665).

Припомнимъ, что еврей Б. обвинялъ гр. К. въ *умышленномъ* измѣненіи своей подписи съ цѣлью уклониться отъ платежа по обязательству, т. е. утверждалъ, что „хотя буквы подписи измѣнены, но подпись подлинная“. Экспертъ беретъ *неизмѣненные* подписи гр. К., сравниваетъ съ заподозрѣнной, находитъ, само собою разумѣется, измѣненія и... дѣлаетъ отсюда выводъ, что „буквы измѣнены, слѣдовательно подпись подложная“.

Если бы соблюденіе законовъ логики ограждалось уложеніемъ о наказаніяхъ, то такого рода преступленіе навѣрно влекло бы за собою для виновнаго пожизненныя каторжныя работы.

Мучительно тревожитъ вопросъ какимъ чудомъ держится, въ теченіи вѣковъ, нелѣпое утвержденіе „не сходна, слѣдовательно под-

ложна“?. Защитники такой экспертизы указывают на удачные случаи; они говорят, что въ такомъ-то дѣлѣ экспертъ нашелъ несходство и дѣйствительно, подпись оказалась подложною, т. е. дѣлаютъ непозволительнѣйшее заключеніе отъ частнаго случая къ частному случаю. Въ курсахъ логики подобныя „заблужденія въ умозаключеніи“ иллюстрируются басней Камерарія:

Два осла шли въ одномъ и томъ-же караванѣ, одинъ былъ навьюченъ солью, другой сѣномъ. Тотъ, который былъ нагруженъ солью, проходя черезъ потокъ, оступился, короба съ солью зачерпнули воды, соль растворилась и его ноша стала легче. Когда осла пришли къ другому потоку, то и другой опустилъ свои корзинки въ воду, ожидая подобнаго же результата... *).

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу заключенія о подписяхъ Маріи Ш. Проверить правильность фотографическихъ операцій харьковскихъ фотографовъ было чрезвычайно легко: на всякомъ негативѣ съ рукописей всегда есть какія нибудь мѣтки (напр. изображенія кнопокъ, царапинъ на щитѣ и т. п.), которыя должны совмѣщаться, если камера и щитъ сохраняли свои мѣста во время съемокъ. Стоило сдѣлать эту повѣрку и стало бы извѣстно, „обладалъ ли харьковскій фотографъ достаточными знаніями и пр.“ Для возможности произвести правильно сравненіе подписей посредствомъ совмѣщенія пленокъ, необходимо только одно условіе—чтобы всѣ негативы были сняты при одномъ, неизмѣняемомъ, разстояніи отъ рукописи до объективной доски. Никакихъ для этого спеціальныхъ знаній не требуется и „особыхъ“ способовъ не существуетъ.

О пристрастіи или безпристрастіи фотографа, изготовляющаго простые снимки, заботиться совершенно излишне: ничего онъ не въ состояніи сдѣлать такого, что повлекло-бы за собою „поразительныя неточности и ошибки въ отдѣльныхъ снимкахъ“.

Чрезвычайно полезно обращаться, въ такихъ случаяхъ, къ фотографическимъ обществамъ. Если бы орловскій слѣдователь запросилъ любое изъ этихъ обществъ по поводу основательности ссылки на „спеціальныя знанія“ и на „безпристрастіе“, онъ получилъ бы, безъ сомнѣнія, отвѣтъ, что ссылка неосновательна.

Придя къ предположенію о копированіи подписей Маріи Ш. на просвѣтъ, экспертъ обязанъ былъ не останавливаться на такомъ утвержденіи, но вести дѣло до конца, выяснивъ и самый способъ копирования (на оконномъ стеклѣ, по бензину, карандашной подготовкой и пр.); безъ этого получилась половина экспертизы, а не законченное изслѣдованіе. Каждый изъ этихъ способовъ оставляетъ характерные

*) *Минто*, В.—Дедуктивная и индуктивная логика. Москва, 1896, стр. 329.

слѣды и обнаружить ихъ совсѣмъ не трудно. Въ иныхъ случаяхъ присяжный фотографъ такъ и поступаетъ; у меня есть, напр., передъ глазами заключеніе его по дѣлу о завѣщаніи Клюкина.

А К Т Ъ.

1897 года Іюля 12 дня въ судебно-фотографической лабораторіи, учрежденной при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты, присяжнымъ фотографомъ произведено судебно-фотографическое изслѣдованіе документовъ, доставленныхъ IV Отдѣленіемъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, а именно: Духовное завѣщаніе Клюкина, подпись Катова, Савина, Клюкина.

Вышепоименованные документы были фотографированы на обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ. Негативы были изготовлены на броможелатинныхъ пластинкахъ «Ильфорда» «proces-plate» при дневномъ свѣтѣ; негативы № III и № IV увеличены въ камерѣ, при чемъ, при сниманіи, употребленъ

объективъ Цейса «Анастигматъ» серія IV съ f 8 діафрагмою. Заспмъ снимки воспроизведены проэкціоннымъ аппаратомъ системы Истмена, освѣщеннымъ электрическою дугою 5 амперъ при 40 вольтахъ, свѣтъ которой проходилъ черезъ конденсаторъ, послѣ чего на бромосеребряной бумагѣ Ильфорда изготовлены оттиски, увеличенные до 225 разъ (квадратно). Полученные снимки наклеены на картонъ и снабжены №№ и штемпелями лабораторіи и подписью присяжнаго фотографа. При изслѣдованіи означенныхъ снимковъ усмотрѣно: 1) Текстъ и подпись отъ имени Клюкина на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 года

№ I
лит. а а также и подпись отъ имени Катова, на оборотѣ первой страницы

того же духовнаго завѣщанія отъ имени Клюкина № II
лит. а написаны совершенно нормально, въ томъ смыслѣ, что при написаніи текста и упомянутыхъ подписей недостатка въ чернилахъ не усматривается; совсѣмъ иное усматривается въ надписи на томъ же духовномъ завѣщаніи отъ имени свидѣтеля Савина

№ III и № IV
лит. а лит. а

недостатокъ чернилъ усматривается во многихъ отдѣльныхъ буквахъ подписи, вслѣдствіе чего и происходитъ неравномѣрность оттѣнковъ слоевъ чернилъ, воспроизводящія отдѣльныя буквы—напримѣръ:

а) Прописныя буквы «в» въ словахъ «Свидѣтелемъ» «Савинъ» двухъ оттѣнковъ чернилъ, т. е. написаны такъ: «С» № IV
лит. а (1) (2)

б) Прописная буква: «у» въ началѣ подписи свидѣтеля Ивана Потапова Савина на духовномъ завѣщаніи прямо начинается съ недостатка чернилъ и написана такъ: «У» № III
лит. а (3)

в) Недостаточность чернилъ усматривается также въ той же подписи свидѣтеля Савина въ словѣ «приложилъ» въ буквѣ «р» № IV
лит. а (4) и въ словѣ «Савинъ» въ буквѣ «ъ» № III
лит. а (5)

2) Въ буквѣ «у» въ словахъ «у сего» въ подписи свидѣтеля Савина усматривается рисовка, буква «у» начерчена такъ: «у» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (6)

3) Буквы «ду» въ словѣ «духовнаго» въ текстѣ надписей свидѣтелей на 1-й страницѣ духовнаго завѣщанія Филиппа Федорова Клюкина отъ 11-го Іюня 1865 г. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ рисованы, а не написаны свободною рукою, на что указываетъ слѣдующее обстоятельство: буква «у» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (7) въ упомянутомъ словѣ «духовнаго» написана ранѣе чѣмъ была начерчена нижняя часть буквы «д» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (8) вслѣдствіе чего нижняя часть буквы «у» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (7) въ словѣ «духовнаго» перекрещивается нижнею частью буквы «д» въ томъ же словѣ «духовнаго» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (8) что ясно усматривается на снимкѣ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$; при писаніи свободною рукою нижняя часть буквы «д» должна быть перекрещенною послѣдующею буквою «у».

Для провѣрки и подтвержденія вышесказаннаго изготовлены присяжнымъ фотографомъ различные образцы буквъ «ду» перекрещивающіеся между собою въ перемѣнномъ порядкѣ. Означенные образцы написаны китайскою тушью, какъ болѣе подходящій матеріалъ для передачи оттѣнковъ. Съ упомянутыхъ образцовъ сняты увеличенные снимки, которые и прилагаются.

Буквы «ду» на оттискахъ А. Б. В. написаны нормально т. е. сначала написана буква «д» цѣликомъ, а потомъ уже буква «у» которая и пересѣкаетъ какъ и должно быть букву «д», что ясно усматривается на оттискахъ А. Б. В. и тѣмъ яснѣе, чѣмъ нижняя часть буквы «д» свѣтлѣе оттискомъ.

Буквы «ду» на оттискахъ Г. Д. Ж. написаны не нормально т. е. сначала написана часть буквы «д» обозначенная цифрою «9», затѣмъ написана буква «у» обозначенная цифрою «10», а ужъ подъ конецъ проведенъ волосной штрихъ, заканчивающій букву «д» и перекрещивающій послѣдующую букву «у» что ясно усматривается на прилагаемыхъ оттискахъ Г. Д. Ж.

4) Постоянный недостатокъ чернилъ при написаніи послѣднихъ четырехъ строкъ на первой страницѣ духовнаго завѣщанія отъ имени Клюкина $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ объясняется тѣмъ, что эти послѣднія четыре строки копированы чернилами гусинымъ перомъ на просвѣтъ, по всему вѣроятію посредствомъ накладыванія на оконное стекло. Предположеніе это подтверждается слѣдующими соображеніями:

При нормальномъ писаніи рука пишущаго и перо находятся въ слѣдующемъ положеніи (сдѣланъ чертежъ).

Вслѣдствіе чего чернила имѣютъ стремленіе сконляться по направленію отъ бородки пера къ пишущему его концу, какъ это обозначено направленіемъ стрѣлы почему при наличности въ перѣ чернилъ, недостатка въ нихъ не ощущается.

Совсѣмъ иное при копированіи чернилами и при томъ перомъ: положеніе руки и пера совершенно измѣняются, чернила стремятся отъ пишущаго конца пера по направленію къ бородкѣ, вслѣдствіе чего даже при обиліи чернилъ въ перѣ, въ нихъ долженъ ощущаться постоянный недостатокъ, что ясно усматривается изъ прилагаемаго снимка.

5) Подпись отъ имени Катова $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ на оборотѣ первой страницы того же

духовнаго завѣщанія отъ имени Ключкина совершенно другого характера, чѣмъ вышеупомянутая подпись отъ имени Савина.

Подпись Катова $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ написана свободною рукою, почему недостатка въ чернилахъ не усматривается, но при сличеніи подписи Катова на духовномъ завѣщаніи $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ съ несомнѣнными его подписями $\frac{\text{№ VII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XI}}{\text{лит. а}}$ также усматривается копіровка, но не на просвѣтъ, а свободною рукою по имѣвшемуся образцу и отдѣльными буквами, что подтверждается тѣмъ, что слова подписи Катова въ подписи на оборотѣ духовнаго завѣщанія «Задонскій 2-й гильдіи купецъ Федоръ Антоновъ Катовъ» состоятъ изъ 43 буквъ, изъ коихъ 29 буквъ начертаны совершенно отдѣльно и не связаны ни съ какими другими буквами $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$; между тѣмъ количественное отношеніе несвязанныхъ буквъ къ связаннымъ буквамъ въ тѣхъ же словахъ несомнѣнныхъ подписей Катова какъ разъ обратное т. е. въ заподозрѣнной подписи Катова на оборотѣ духовнаго завѣщанія $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ несвязанныхъ буквъ много больше чѣмъ связанныхъ, а именно: несвязанныхъ буквъ 29, а связанныхъ всего только 14; въ несомнѣнной же подписи Катова въ словахъ «Задонскій 2-й гильдіи купецъ Федоръ Антоновъ Катовъ», состоящей изъ 43 буквъ $\frac{\text{№ VII}}{\text{лит. а}}$ ничѣмъ не связанныхъ буквъ всего только 6, между тѣмъ какъ связанныхъ буквъ 37; въ несомнѣнной подписи Катова $\frac{\text{№ XI}}{\text{лит. а}}$ въ тѣхъ же словахъ при 44 буквахъ, ничѣмъ не связанныхъ буквъ всего 14, а связанныхъ буквъ 30.

б) Подписи Ключкина $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 г. ничѣмъ отъ несомнѣнныхъ подписей Ключкина не отличаются $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ VI}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ VII}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ VIII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ VIII}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ IX}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ IX}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ X}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XIV}}{\text{лит. а}}$.
 На снованіи всего вышеизложеннаго присяжный фотографъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что подпись Ключкина на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 года $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ учтена самимъ Ключкинымъ, что же касается подписей свидѣтелей Савина $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ и Катова $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 года, то/обѣ подписи копированы, съ тою лишь разницею, что подпись Савина копирована на просвѣтъ, а подпись Катова копирована свободною рукою. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Малевинскій.

Я займусь разборомъ этой экспертизы, когда буду говорить о способахъ копированія („Опред. и неопр. заданія“); теперь я воспользовался полнымъ текстомъ заключенія для того, во-первыхъ, чтобы указать на признаніе самимъ г. присяжнымъ фотографомъ необходимости выяснить способъ нерерисовки; во-вторыхъ, чтобы оцѣнить правильность заключенія относительно подписи К-ва, основаннаго на счетѣ буквъ связанныхъ между собою и несвязанныхъ. Это еще новый приѣмъ.

Экспертъ убѣжденъ, что подпись К-ва копирована свободною рукою,

т.-е. безъ всякихъ приспособленій. Копированіе чужого почерка свободною рукою всегда имѣеть много отличительныхъ признаковъ, въ ряду которыхъ связанность буквъ между собою занимаетъ самое послѣднее мѣсто; притомъ, признакъ этотъ получаетъ значеніе не самъ по себѣ, но лишь какъ дополненіе совокупности другихъ, несравненно болѣе важныхъ и доказательныхъ. Экспертъ ограничивается, однако, всего однимъ признакомъ, къ тому же слабѣйшимъ. Неужели копиравшій свободною рукою сдѣлалъ всего одинъ только промахъ—не связалъ между собою нѣсколько буквъ?

	1	2	3
	Заподозр. подпись.	Несомн.	Несомн.
Буквъ связанныхъ	14	37	30
„ несвязанныхъ	29	6	14
Всего	43	43	44

Представьте себѣ, что подписи № 1 (заподозрѣнной) совсѣмъ нѣтъ, а сравниваются только №№ 2 и 3, причемъ заподозрѣна подпись № 2. Мы видимъ, что число буквъ несвязанныхъ неодинаково: въ № 2 послѣднихъ въ два съ лишкомъ раза больше, чѣмъ въ № 1. Какой изъ этого наблюденія должно сдѣлать выводъ? Если г. экспертъ отвѣтитъ, что 6 и 14 не даютъ еще большой разницы для признака наличности копированія, мы поставимъ вопросъ иначе. Сравниваются подписи №№ 1 и 3, причемъ заподозрѣна подпись № 3; какой выводъ изъ счета буквенныхъ разрывовъ?

$$\frac{29}{14} = 2^{1/14}; \quad \frac{14}{6} = 2^{1/3}$$

Отношеніе первое численно меньше второго; поэтому, если $2^{1/3}$ не достаточно для признанія копировки, то $2^{1/14}$ и подавно. Слѣдовательно, подпись № 1 не копирована.

Я совсѣмъ не желаю утверждать, что эта подпись и въ самомъ дѣлѣ не копирована; я ее не видѣлъ и понятія объ ней не имѣю. Все, что мнѣ было нужно—это показать, какими (арифметически даже) пустячными доводами эксперты подкрѣпляютъ свои приговоры.

Вдумаемся хорошо въ этотъ случай и намъ страшно станетъ. Двѣ несомнѣнныя подписи, №№ 2 и 3, говорятъ намъ, что К-въ писалъ разно: то онъ связывалъ между собою $1/3$ всѣхъ буквъ (№ 3), то только $1/7$ того же числа. Здравый смыслъ подсказываетъ сейчасъ же, что у этого человѣка совсѣмъ не было прочно установившейся привычки писать всегда одинаково связанно, но что какія-то случайныя причины

влияли, въ этомъ отношеніи на его почеркъ. И то сказать: одно дѣло подписать какую-нибудь ничтожную бумажку и другое дѣло ставить свою подпись подъ векселемъ или серьезнымъ обязательствомъ!

Но, вѣдь, поставить свою подпись подъ чужимъ духовнымъ завѣщаніемъ по просьбѣ завѣщателя, да еще, какъ надо полагать, не у себя дома, не при обычной обстановкѣ письма (высота стула и стола, толщина ставочки, твердость пера и проч. и проч.)—дѣло не каждодневное и для купца несравненно болѣе тревожное, чѣмъ привычное подписываніе векселей, довѣренностей и пр. Невольно является вопросъ: если въ несомнѣнныхъ подписяхъ отношеніе колеблется между $\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{3}$, то почему бы ему еще не увеличиться въ подписи подъ завѣщаніемъ?

Съ другой стороны, всѣ наши юридическія отношенія покоятся на увѣренности, что подпись есть достаточный опредѣлитель личности писавшаго, т.-е., что нельзя ни поддѣлать въ совершенствѣ чужой почеркъ, ни измѣнить до неузнаваемости свой собственный. Уничтожьте эту увѣренность—во что обратятся разные векселя, договоры, росписки и т. п.?

Оказывается, однако, что нѣкто такъ преуспѣлъ въ писаніи свободной рукой подписи К-ва, что, копируя ее на духовномъ завѣщаніи К-на, сдѣлалъ всего одинъ промахъ, не связалъ между собою нѣсколько буквъ! Судя по тому, что г. присяжный фотографъ вынужденъ былъ основать свой приговоръ на одномъ этомъ промахѣ, мы вынуждены думать, что во всемъ остальномъ поддѣлка подписи К-ва совершенна. Видимо, поддѣлыватель долго упражнялъ руку въ писаніи подписи К-ва, преодолѣлъ множество чрезвычайныхъ трудностей, но чуть-чуть недотренировался: не дошелъ до связыванія столькихъ буквъ, сколько требуется! По счастью, онъ успѣшилъ съ поддѣлкой: если бы онъ еще чуточку поработалъ, то, безъ сомнѣнія, такой пустякъ, какъ связываніе буквъ, ему удался бы легко. Но въ какомъ бы затрудненіи оказался тогда господинъ экспертъ!

Судьи, которымъ довелось уразумѣвать эту экспертизу, навѣрно, задавали себѣ вопросъ: для какихъ скрытыхъ цѣлей дѣйствовалъ „проекціонный аппаратъ Истмена, освѣщенный электрической дугой 5 амперъ при 40 вольтахъ, причемъ свѣтъ проходилъ черезъ конденсаторъ“, если все должно было окончиться счетомъ буквъ связанныхъ и несвязанныхъ? Развѣ для этой работы не достаточно было простого увеличительнаго стекла и скромнаго учителя чистописанія, знакомаго съ счетомъ отъ 1 до 100?

На этотъ вопросъ и я отвѣтить не могу.

Въ своихъ рѣшеніяхъ судъ именуется такіе экспертизы „фотографическимъ сличеніемъ почерковъ“. Такъ какъ первая, фотографическая, часть общаго съ второй, каллиграфической, не имѣетъ, то можно-бы создать нескончаемое множество „научныхъ“ сличеній почерковъ, измѣняя только

первую часть заключенія. Если мы, передъ тѣмъ какъ считать разрывы между буквами или усматривать крючки у буквы К, помѣстимъ въ письменномъ заключеніи отрывокъ изъ учебника ботаники—получимъ ботаническое сличеніе почерковъ; описаніе какого нибудь допотопнаго животнаго—полеонтологическое сличеніе почерковъ, кое-что изъ гомелетики или патристики—богословское сличеніе почерковъ и т. д. Что-бы мы ни написали въ этой первой части, вторая не утратитъ и не увеличитъ своей цѣнности, такъ какъ разрывы останутся разрывами, а крючки—крючками.

Представимъ себѣ, что экспертъ учитель чистописанія вздумалъ бы предпослать своему мнѣнію о сходствѣ почерковъ сообщеніе о томъ, что

для изслѣдованія употреблено было увеличительное стекло фабрики Воткей, въ черепаховой оправѣ, на черной шерстяной лентѣ шириною въ 2 сантиметра; передъ употребленіемъ, стекло было протерто батистовымъ платкомъ съ мѣткою А. М. вышитою красной бумагой, причемъ платокъ снабженъ былъ нѣсколькими каплями ароматическаго вещества Ширъ, фабрики Аткинсона и пр...

Такое письменное заключеніе эксперта вызвало-бы смѣхъ въ судьяхъ и въ публикѣ, потому что для всѣхъ было бы ясно, что ни черепаховая оправка, ни мѣтка А. М., ни духи Аткинсона не придають нисколько достовѣрности мнѣнію эксперта и въ заключеніи по меньшей мѣрѣ неумѣстны.

Но, развѣ „5 амперъ при 40 вольтахъ“ или такой вздоръ, какъ „свѣтъ проходящій черезъ конденсаторъ“ (даже повторять стыдно) умѣстнѣе мѣтки А. М. или черепаховой оправы, а „красящее вещество Р“ имѣетъ болѣе отношенія къ крючкамъ и разрывамъ, чѣмъ „ароматическое вещество Ширъ“? Ни на одну іоту.

Невыносимо тяжело, обидно присутствовать въ засѣданіи суда, во время чтенія подобныхъ заклинаній: и отъ смѣха воздержаться трудно и на душѣ скверно... Знаешь къ тому же, что благодаря „свѣту проходящему черезъ конденсаторъ“, это кабалистическое сличеніе почерковъ будетъ признано судомъ, „несравненно болѣе совершеннымъ способомъ, чѣмъ употребляемый экспертами учителями чистописанія и ррисованія“ (см. стр. 145).

Уставъ Врачебный (ст. 1753) дастъ хорошее наставленіе судебнымъ врачамъ:

Поселку открытіе истины составляетъ главный предметъ стараній судебного врача, то при составленіи осмотра обязанъ онъ различать то, что никакому сомнѣнію не подлежитъ отъ того, что вѣроятно. Посему, онъ долженъ въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ обстоятельства дѣла не совершенно открыты, лучше призваться въ невозможности произнести рѣшительный приговоръ или заключеніе, нежели затмѣвать и запутывать дѣло неосновательнымъ заключеніемъ.

Въ такомъ наставленіи графическіе эксперты нуждаются еще больше, чѣмъ эксперты-врачи.

Въ самомъ началѣ книги я замѣтилъ, что графическому эксперту не приходится отвѣчать на вопросъ о вмѣненіи, но зато, кромѣ вопроса о событіи преступленія (собственно два вопроса: 1) поддѣланъ ли чужой почеркъ? и 2) не измѣненъ ли свой обычный?) случается заниматься еще вопросомъ о совершеніи преступленія даннымъ лицомъ (стр. 1). Въ первомъ мы разобрались, перейдемъ ко второму.

Нерѣдко изслѣдователю почерка задаютъ вопросъ: „не совершена ли поддѣлка (ручная, разумѣется) даннымъ лицомъ?“ или же, въ болѣе общей формѣ, „которое изъ нѣсколькихъ указанныхъ лицъ совершило копированіе чужого почерка?“ Какъ частный случай, можетъ быть надобность въ опредѣленіи принадлежности почерка, не поддѣланнаго и не измѣненнаго, тому или другому лицу или одному изъ нѣсколькихъ лицъ.

Усмотрѣть въ рукописи, копированной свободною рукою, слѣды почерка копировавшаго удается; въ копированной на просвѣтъ, при помощи бензива и т. п.—почти никогда.

Приступая къ копированію чужого почерка, копирователь становится передъ дилеммой, какъ сказочный богатырь передъ развѣтвленіемъ дороги на двое: „вправо пойдешь—коня потеряешь; влѣво пойдешь—самъ пропадешь!“

Копировать на просвѣтъ или даже свободною рукою, но медленнымъ движеніемъ пера — значитъ придать копіи характеръ рисованной, выдать поддѣлку съ этой стороны. Дѣйствовать быстрымъ, свободнымъ движеніемъ руки — слѣдовъ рисовки не будетъ, но зато и сходства внѣшняго меньше и своего почерка внесетъ много.

Необходима какая-нибудь особенная случайность, чтобы поддѣлыватель, внимательно слѣдя за медленнымъ ходомъ своего пера и постоянно видя передъ собою копируемый образецъ, написалъ не такъ, какъ въ оригиналѣ, а такъ, какъ онъ самъ обыкновенно пишетъ. Если и выйдетъ грѣхъ, какой-нибудь элементъ его почерка попадетъ въ копію, то все-таки эта случайность не дастъ достаточнаго матеріала для указанія на него, какъ на автора поддѣлки.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, въ которыхъ мнѣ приходилось выступать въ роли свѣдущаго лица, было дѣло о подлогѣ векселей покойнаго Кокорева (1 отд. Спб. окр. суда, 1889 г.).

Соглашаясь съ другими экспертами, что рука Кокорева не участвовала въ нанесеніи на векселя подписей, я рѣшительно отказался присоединиться къ товарищамъ, когда они усмотрѣли „несомнѣнныя“ доказательства того, что поддѣлка совершена рукою обвиняемой, г-жей М. Въ то время я былъ, что называется, „вновѣ“, и меня поражала легкость, съ которою мои коллеги безповоротно разрѣшили такой трудный вопросъ: единственнымъ доказательствомъ въ пользу сдѣланнаго ими вывода былъ фактъ находенія г-жи М. на скамьѣ подсудимыхъ.

Впослѣдствіи я спокойнѣе относился къ такимъ приговорамъ. Однажды судебн. слѣд. Спб. уѣзда А. П. Ивашенцовъ предложилъ мнѣ, по требованію наблюдавшаго за слѣдствіемъ тов. прокурора, опредѣлить, *чьей рукой поставлены три креста* (А. П. Ивашенцовъ благополучно здравствуетъ) подъ роспиской въ полученіи швейной машины. Послѣ моего заявленія о недостаточности моихъ познаній для рѣшенія подобной задачи, „изслѣдованіе“ поручили содержателю типо-литографіи, и онъ, въ какихъ-нибудь 10 минутъ, посрамилъ меня самымъ рѣшительнымъ образомъ: „по характеру почерка и приѣмамъ письма“ три креста оказались несомнѣнно принадлежавшими рукѣ обвиняемаго.

Я не могу сказать утвердительно, были ли случаи опредѣленія личности по „характеру почерка и приѣмамъ письма“ сдѣланной на бумагѣ чернильной кляксы.

Благоразумно поступить экспертѣ-графологъ, если совсѣмъ не позволить ставить себя на зыбкую и скользкую почву опредѣленія личности по почерку, копированному не свободною рукой. Чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ большее желаніе возбуждаетъ она одолѣть трудность и найти рѣшеніе. Достаточно самого слабого намека на сходство съ почеркомъ заранѣе указаннаго лица, чтобы доказательства, вродѣ совпаденія буквъ или числа разрывовъ между ними, сами стали толпою подвѣртываться подъ руку. Напоминаю дѣло о подлогѣ довѣренностей Добродѣева, которое я уже рассказалъ; если бы вмѣсто рукописи судебного слѣдователя я подсунулъ экспертамъ ихъ собственныя писанія—ручаюсь, что они, придя въ азартъ, сами себя объявили бы несомнѣнными совершителями подлога довѣренностей! Руку Израиля Гутшабаша, дѣйствительнаго виновника подлога, признать было уже не трудно—онъ писалъ свободною рукой, ничуть не измѣняя умышленно свой почеркъ и не копируя чужой.

Въ камерѣ суд. слѣд. 13 участка, одинъ изъ моихъ рѣшительныхъ коллегъ, литографъ, будучи приглашенъ сказать, сдѣлана ли поддѣлка подписи которымъ нибудь изъ двухъ обвиняемыхъ, Галлеромъ или Фрейндомъ, не хорошо разслышалъ вопросъ и „по довольномъ обсужденіи“ заявилъ, что поддѣльвателемъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Галлерфрейндъ!

Трудно рѣшить, какъ придется поступать въ подобныхъ случаяхъ благоразумному и осторожному эксперту тогда, когда, „за отказъ отъ изслѣдованія“ его будутъ штрафовать (Проектъ уст. гр. суд. ст. 420)? Останется одно—обвинять Галлерфрейнда.

Въ этомъ дѣлѣ Галлера и Фрейнда слѣдствію необходимо было узнать, кто изъ этихъ двухъ лицъ написалъ анонимное письмо, составлявшее центръ дѣла. Почеркъ письма свободный, но явно измѣненный; предполагать-же, что писавшій подражалъ почерку другого

лица—но было основанія. При такихъ условіяхъ, въ рукопись должно было войти нѣкоторое количество элементовъ почерка автора, но столь незначительное, что совокупность ихъ не составитъ сигналаментъ, достаточный для положительнаго опредѣленія личности писавшаго. Изъ этого слѣдуетъ, что результатъ экспертизы (я говорю про правильную) не разрѣшилъ бы, ни въ какомъ случаѣ, заданный вопросъ полностью, но лишь съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ. Отвѣтъ эксперта вышелъ-бы такой: „*болѣе вѣроятности*, что авторомъ письма былъ Фрейнды, чѣмъ Галлеръ“—и только. Пусть дѣло идетъ не о рукописи, а о платьѣ или о сапогахъ, и насъ спросили, которому изъ нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ принадлежитъ то или другое. Здѣсь возможна только „экспертиза исключенія“, т. е. указаніе тѣхъ изъ данныхъ лицъ, которымъ сюртукъ или сапоги совсѣмъ не впору. По дѣлу одного воронежскаго священника (требованіе исполнялъ суд. слѣд. Г. П. Завьяловъ), мнѣ предложено было сказать, который изъ трехъ подозрѣваемыхъ, А, Б, В, писалъ документъ; я заявилъ, что „положительнаго отвѣта дать не могу, но полагаю что не А, потому что элементовъ его почерка въ рукописи совсѣмъ нѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если сапоги или сюртукъ впору одному изъ трехъ лицъ и совсѣмъ не впору другимъ, то такое обстоятельство еще не служитъ уликой противъ этого именно лица, потому что на свѣтѣ есть очень много людей, которымъ тѣ же сапоги или сюртукъ могутъ быть впору.

Въ подобныхъ случаяхъ экспертъ-графологъ обязанъ твердо помнить наставленіе ст. 1753 устава врачебнаго, что „лучше признаться въ невозможности дать заключеніе, чѣмъ запутывать и затмѣвать дѣло заключеніями неосновательными“.

Существуетъ три разновидности экспертовъ по почеркамъ. Къ первому изъ нихъ принадлежитъ тотъ петербургскій типографъ Ш. (я говорилъ уже о немъ на стр. 13) который, правильно понявъ свою роль распознавателя, отказался разсуждать о наличности или отсутствіи подлога и согласился только высказать впечатлѣніе о сходствѣ почерковъ, не вдаваясь въ обосновываніе этого впечатлѣнія. Вторую разновидность составляетъ подавляющее большинство гг. каллиграфовъ, граверовъ, типографовъ и т. п., твердо вѣрящихъ въ свою непогрѣшимость, подгоняющихъ доказательства къ заранее составленному заключенію и полагающихъ, что для каллиграфа неразрѣшимыхъ задачъ не существуетъ. Третьи—тѣ немногіе эксперты, которые, стараясь освободиться отъ впечатлѣнія и постороннихъ соображеній, пытаются построить свое мнѣніе на возможно-объективныхъ данныхъ; эти послѣдніе эксперты, знающіе о несовершенствѣ искусства изслѣдованія письменъ, чаще всего уклоняются отъ окончательныхъ приговоровъ и считаютъ себя обязанными только собрать судьямъ данныя для сужденія.

Самая опасная и, къ сожалѣнію, самая излюбленная судьями разновидность—вторая. Она опасна тѣмъ, что, не обладая никакими знаніями и строя выводы на основаніи того же впечатлѣнія, что и экспертъ первой разновидности, стремится придать своимъ заключеніямъ возможно—болѣе научную форму, всегда оказывающую дѣйствіе не только на присяжныхъ засѣдателей, но и на боронныхъ судей. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующее дѣло, разбиравшееся въ судѣ присяжныхъ Цюрихскаго кантона еще въ 1863 г. *).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, кожевникъ Мейеръ въ Цюрихѣ былъ обвиненъ сапожникомъ Вепферомъ въ подлогѣ векселя. Произведено было слѣдствіе, которое прекращено прокурорскою властью въ іюнѣ 1863 г. Въ прокурорскомъ заключеніи сказано: «предлежащій матеріалъ недостаточенъ для того, чтобы можно было убѣдиться въ виновности Мейера, потому что не всѣ показанія Вепфера доказаны, особенно же потому, что не вѣроятно, чтобы Вепферъ, не заявляя о преступленіи Мейера, уплатилъ значительную сумму денегъ, которой долженъ не былъ, и молчалъ бы объ этомъ цѣлый годъ».

Вепферъ и послѣ этого не успокоился: онъ чрезъ адвоката, въ порядкѣ частнаго обвиненія, повелъ дѣло противъ Мейера, обвиняя его въ квалицированномъ мошенничествѣ. Законъ, относящійся до уголовного судопроизводства въ § 10, дозволяетъ пострадавшему, по примѣру шотландскаго права, начать частное уголовное обвиненіе, если онъ обезпечить судебные издержки и вознагражденіе подсудимому, на случай оправданія послѣдняго. О допущеніи подобнаго обвиненія рѣшаетъ судебное мѣсто, коему дѣло подсудно, а въ случаяхъ, подлежащихъ суду присяжныхъ—коммиссія обвиненія (Die Anklagecommission). Въ настоящемъ случаѣ обвиненіе коммиссіею этою допущено было.

Вопросъ состоялъ въ томъ, сдѣланъ-ли въ двухъ векселяхъ Вепфера на имя Мейера, отъ 4 и 7 декабря 1861 года, подлогъ такого рода, что въ обоихъ векселяхъ первоначальная сумма въ 73 франка, передѣлана на 973 и 473 франка, и не чрезъ простое только прибавленіе цифръ 9 и 4, но и написаніемъ словъ: «девятьсотъ семьдесятъ три франка и «четыреста семьдесятъ три фр.»? затѣмъ, учинилъ-ли соответствующую поддѣлку Мейеръ и въ своей счетной книгѣ?

Книговодство Мейера не было чисто торговое; велось оно безпорядочно и неправильно, какъ обыкновенно бываетъ у ремесленниковъ; во многихъ мѣстахъ цифры зачеркнуты, въ другихъ прибавлены. Но вообще Мейеръ былъ извѣстенъ какъ ловкій торговецъ и неумолимый заимодавецъ, который въ вексельныхъ отношеніяхъ съ своими должниками, сапожниками, немедленно прибѣгалъ къ строгости закона. Дѣла Вепфера велись безпорядочно и въ высшей степени безпутно. Судебный слѣдователь передалъ сомнительные векселя и извлеченное мѣсто изъ книги земскому писцу Гаусгеру для изслѣдованія и сличенія почерковъ. Сличеніе это, продолжавшееся нѣсколько недѣль, привело къ результату неблагопріятному для подсудимаго. Мнѣніе эксперта свидѣтельствуетъ о большомъ его радѣніи. Въ добросовѣстности его тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что онъ не аподиктически высказывалъ свое мнѣніе, а очень часто лишь въ формѣ предложеній. Когда онъ явился передъ присяжными, то сдѣлалъ свои выводы наглядными тѣмъ, что надлежащія мѣста въ векселяхъ и въ записной книгѣ онъ списалъ

*) Юрид. Вѣстникъ 1867—68 г., кн. 2 августъ. «Сличеніе почерковъ» Озенбрюгена.

на классную доску; векселя и книга также ходили по рукамъ присяжныхъ во время объясненій. Со стороны защиты представленъ былъ въ судъ другой экспертъ, который, однако, въ противоположность первому, держалъ себя неловко и стѣсненно, и безъ дальнѣйшихъ доводовъ объявилъ, что по его убѣжденію и согласно изслѣдованію, произведенному имъ при посредствѣ луны въ канцеляріи высшаго суда, векселя и написанное въ книгѣ нисколько не подозрительны, что все это писано одними чернилами и въ одно время, и что, такимъ образомъ, о подлогѣ и рѣчи быть не можетъ.

Обвинитель въ дальнѣйшихъ выводахъ своихъ настойчиво ссылаясь на изслѣдованіе перваго эксперта. Другой экспертъ, не приводя никакихъ основаній, сказалъ только: «все вѣрно», и такимъ экспертомъ могъ бы быть всякій. Пусть присяжные сами повѣрятъ, кто изъ обоихъ экспертовъ представилъ лучшія основанія своего мнѣнія и т. п. Присяжные послѣдовали этимъ словамъ обвинителя. Публика съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала приговора присяжныхъ, который, по непростительной нескромности, сдѣлался извѣстнымъ еще до объявленія его. Узнали, что вердиктъ гласитъ: «виновенъ»; это было сообщено и подсудимому, и (странное дѣло) ему предложено было еще въ послѣднюю минуту помириться съ Вепферомъ. Мейеръ рѣшительно отказался отъ всякой мировой сдѣлки.

Обвиненіе было признано присяжными во всемъ своемъ объемѣ. Когда это было объявлено старшиной присяжныхъ, то Мейеръ бросилъ свою шляпу въ присяжныхъ и въ крайнемъ изступленіи вскричалъ: «это предательскій приговоръ!» Потомъ онъ обратился къ сидѣвшему позади его эксперту Гаусгеру и бросилъ ему въ голову памятную книжку, говоря: «Вы, съ вашей проклятой, предательской экспертизой!» чтобы прекратить эту потрясающую сцену, нужно было вывести подсудимаго.

По провозглашеніи приговора о виновности, прокурорская власть дала свое заключеніе о наказаніи, и предложила двухъ лѣтънее содержаніе въ смирительномъ домѣ, а взысканіе за неприличное поведеніе подсудимаго въ судѣ присяжныхъ представила суду. Частный обвинитель заявилъ свои требованія о взысканіи за убытки и т. д.

Судъ приговорилъ подсудимаго къ трехлѣтнему тюремному заключенію за квалифицированный обманъ на сумму въ 1027 франковъ, къ пени въ 800 франковъ, къ четырехлѣтнему лишенію правъ гражданства (aktiv bürgerrecht), къ уплатѣ 1027 франковъ съ процентами (такъ какъ эта сумма выплачена уже Вепферомъ) и къ уплатѣ 200 франковъ судебныхъ издержекъ. За непристойное поведеніе и неуваженіе къ суду на него наложена пеня въ 35 франковъ.

Мейера подвергли лишенію свободы. Напрасно старался онъ во время заключенія о реституціи. Когда прошло болѣе двухъ лѣтъ его заключенія, тогда остальные 323 дня ему замѣнены были 22 мѣсячнымъ ограниченіемъ мѣстожительства предѣлами города Цюриха (19 октября 1865 г.). Наконецъ, Мейеръ нашелъ своего спасителя въ лицѣ адвоката, Шильмана, соединявшаго въ себѣ энергію съ замѣчательною осмотрительностью, которая помогла ему опереться въ своей просьбѣ о реституціи на такія новыя обстоятельства, пова, которыя должны были представиться высшему суду уважительными. На сколько эти пова открыли такія данныя, которыя явно обличили Вепфера, какъ лгуна и обманщика въ процессѣ, я повторять здѣсь не намѣренъ, а приведу только то, что имѣетъ отношеніе къ моей темѣ о сличеніи почерковъ.

Шильманъ пригласилъ трехъ экспертовъ, которымъ судъ часто поручалъ значеніе почерковъ. Отдѣльно другъ отъ друга, эти люди предприняли самое

тщательное изслѣдованіе, и составитель просьбы о пересмотрѣ дѣла могъ употребить добытый ими результатъ какъ первый доводъ и поставить на видъ, что три новыя изслѣдованія экспертовъ заключаютъ въ себѣ не только опроверженіе изслѣдованія Гаусгера, но что они, частью на тѣхъ же, частью на различныхъ основаніяхъ, приводятъ къ неопровержимому заключенію, что ни въ обонхъ векселяхъ, ни въ соотвѣтствующей отмѣткѣ въ записной тетради, подлога не могло и быть по самому свойству и начертанію написаннаго, а, слѣдовательно, и не было. Составитель просьбы говоритъ: «я рѣшительнымъ образомъ полагаю, что эти три изслѣдованія составляютъ прямое доказательство того, что г. Мейеръ подлога въ документахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не сдѣлалъ и, слѣдовательно, преступленія, за которое наказанъ, отнюдь не совершилъ».

По рѣшенію соединенныхъ департаментовъ высшаго суда въ августѣ 1861 г., назначено было дополнительное изслѣдованіе дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ высшій же судомъ поручено было весьма опытному человѣку сдѣлать новую экспертизу, которая вполнѣ оказалась въ пользу осужденнаго Мейера. Рѣшеніе о реституціи отъ 8 декабря 1866 г. основано было на § 141 лит. А. Устава Уголовнаго Судопроизводства, гдѣ говорится: «по всякому окончательному рѣшенію можно просить о возстановленіи правъ прежняго состоянія, когда окажется, что преступленіе, за которое послѣдовало осужденіе, или вовсе не было совершено, или совершено другимъ лицомъ». Высшій судъ долженъ былъ придти къ заключенію, что присяжные не признали бы виновности Мейера, если не склонены были бы къ этому мнѣніемъ эксперта Гаусгера и еслибъ они знали Вепфера такимъ, какимъ обнаружило его дополнительное слѣдствіе. Противъ показанія Вепфера, что онъ въ декабрѣ 1861 г. не получилъ отъ Мейера количества подошвенной кожи, соотвѣтствующаго суммѣ одного изъ векселей, а унесъ только подъ мышкой 36¹/₂ фун., было дополнительно удостовѣрено показаніемъ свидѣтеля, вполнѣ заслуживающаго довѣрія, что Вепферъ тогда купилъ въ лавкѣ Мейера большой тюкъ подошвенной кожи, положилъ на ручную телѣжку и увезъ. Между собственными бумагами Вепфера, утаенными имъ прежде, найдена была записная книжка, въ которой находились замѣтки относительно его торговыхъ расчетовъ съ Мейеромъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1861 г., и въ той книжкѣ его рукой было написано карандашомъ число 473. Вексель на 473 фр. былъ уплаченъ Вепферомъ въ январѣ 1862, и только годъ спустя онъ сталъ утверждать о подложности этого векселя.

Кто отвѣтственъ за эту ошибку? Общественное мнѣніе и юридическіе журналы обрушились на писца Гаусгера, какъ на единственнаго виновника несчастія; онъ ввелъ въ заблужденіе обвинительную власть, судей и присяжныхъ.

Писецъ Гаусгеръ—это тотъ самый злополучный стрѣлочникъ, который неукоснительно бываетъ повиненъ во всѣхъ желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ. Гаусгеровъ создала вѣковая практика судовъ, всегда требовавшая отъ людей опыта чтобы они объясняли необъяснимое, т. е. мотивировали свои впечатлѣнія и, сверхъ того, давали рѣшенія въ окончательной формѣ, *да* или *нѣтъ*. Гаусгеръ явился въ судъ экспертомъ обвиненія, былъ приглашенъ судомъ, и потому присяжные засѣдатели имѣли полное основаніе смотрѣть на него какъ на официальнаго избранника, рекомендуемаго судебной властью ученаго, обладаю-

шаго всѣми необходимыми для изслѣдованія почерковъ познаніями. Такъ смотрятъ и наши присяжные засѣдатели на экспертовъ обвиненія: судъ-де не даромъ его сюда призвалъ: должно быть, онъ самый лучшій изъ всѣхъ такихъ искусниковъ!

Въ 1890 году, въ Витебскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію отставного штабсъ-капитана Сазонова въ подлогѣ, состоявшемъ будто-бы въ томъ, что онъ, Сазоновъ, вставилъ въ росписку Крутова, между текстомъ и подписью, двѣ строки. Витебскій слѣдователь послалъ документъ въ Петербургъ для производства экспертизы, которая должна была рѣшить, писаны ли двѣ послѣднія строки тѣми же чернилами, которыми писанъ остальной текстъ, или другими. По обычаю, петербургскій слѣдователь поручилъ изслѣдованіе чернилъ не химикамъ, но тѣмъ-же типо-литографамъ, которые вызывались всегда въ С.-Петербургскій окружный судъ для сличенія почерковъ. Эксперты вынесли такой приговоръ: „такъ какъ двѣ послѣднія строки нѣсколько блѣднѣе остальныхъ, то мы, такіе-то, признаемъ, что онѣ писаны другими чернилами“. Благодаря этой экспертизѣ, Сазоновъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Мнѣ пришлось присутствовать, въ качествѣ эксперта вызваннаго обвиняемымъ, при разсмотрѣніи дѣла Сазонова въ Витебскомъ окружномъ судѣ, и я всю жизнь не забуду тотъ день. Когда дошла очередь до вопроса экспертовъ, я заявилъ суду, что чернила послѣднихъ двухъ строкъ почти всѣхъ рукописей бываютъ блѣднѣе остальныхъ, выше стоящихъ, по той простой причинѣ, что пишущіе имѣютъ обыкновеніе, по окончаніи письма, снимать излишекъ чернилъ прессъ-бюваромъ. Верхнія строки, какъ успѣвшія высохнуть, остаются послѣ этого безъ измѣненія; послѣднія же, одна или двѣ, отдають часть чернилъ впитывающей въ себя влагу бумагѣ и, потому, естественно, должны быть блѣднѣе остальныхъ. Для доказательства я предложилъ суду перелистать страницы хотя слѣдственнаго производства, лежащаго передъ его глазами. Затѣмъ, я обратилъ вниманіе суда на то, что о составѣ чернилъ компетентны судить не сличители почерковъ, но химики, въ качествѣ каковыхъ могли бы быть приглашены мѣстные аптекаря-фармацевты. Тутъ же, въ засѣданіи, была сдѣлана предварительная проба чернилъ растворомъ щавелевой кислоты, причемъ *расплывъ* верхнихъ и нижнихъ строкъ получился одного цвѣта. Въ вызовѣ фармацевтовъ судъ защитнику, прис. пов. Шестаковскому, отказалъ и продолжалъ слушать дѣло. Обвинитель, тов. прокурора Ф., дойдя въ своей рѣчи до оцѣнки показаній экспертовъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Витебскій судъ, г.г. присяжные засѣдатели, потому и послалъ документъ въ Петербургъ, что въ нашемъ городѣ нѣтъ специалистовъ по изслѣдованію документовъ. Экспертъ Буринскій старался здѣсь подо-

рвать, въ вашемъ мнѣніи, достовѣрность заключеній петербургскихъ экспертовъ, но вы, г.г. присяжные, не должны забывать, что *Буринскій вызванъ по просьбѣ защиты и по соглашенію съ нею*. Можно ли повѣрить, чтобы въ Петербургѣ, столицѣ Имперіи, гдѣ есть Университетъ, Академія Наукъ и множество другихъ ученыхъ учреждений, судебный слѣдователь поручилъ экспертизу по такому дѣлу не выдающимся спеціалистамъ, но лицамъ, которыя, по выраженію г. Буринскаго, никакого касательства къ изслѣдованію чернилъ не имѣютъ?“

Доводъ прокурора показался присяжнымъ настолько убѣдительнымъ, что они обвинили Сазонова, который, вслѣдъ за провозглашеніемъ вердикта, выстрѣлилъ себѣ въ ухо изъ пистолета и хотя остался какимъ-то чудомъ живъ, но навѣкъ себя изуродовалъ.

А черезъ годъ Сенатъ отмѣнилъ не только рѣшеніе суда и приговоръ присяжныхъ, по и все производство, начиная съ преданія суду (Кони, Судебныя рѣчи т. II). Взволнованное общественное мнѣніе и въ этомъ случаѣ предало проклятію экспертовъ.

„Страшно становится за разрѣшеніе, которое получаютъ дѣла на основаніи каллиграфической экспертизы“ говоритъ въ своей статьѣ г. Щегловитовъ (см. выше, стр. 128). Еще страшнѣе, прибавлю я, когда химическая экспертиза поручается всѣмъ, кромѣ химиковъ, т. е. портнымъ, парикмахерамъ и др. такимъ же спеціалистамъ.

„Трудно сказать“, продолжаетъ г. Щегловитовъ: „съ чѣмъ больше приходится бороться Правосудію—съ поддѣльвателями или съ фантазіями каллиграфовъ“. Но, развѣ не Цюрихскій судъ призвалъ земскаго писца Гаусгера? Развѣ не тотъ же судъ позволилъ ему играть передъ присяжными роль „свѣдущаго“ лица тогда какъ и „опытнымъ“ то лицомъ онъ едва-ли имѣлъ право себя считать?

Неужели же Цюрихскіе судьи не понимали, что для присяжныхъ засѣдателей избранникъ судебныхъ властей—лицо авторитетное, обладающее всѣми потребными для эксперта-графолога свѣдѣніями? А прокуроръ? Не онъ-ли старался утвердить въ присяжныхъ довѣріе къ лукаво-мудрствовавшему писарю?

Совершенно естественно, что рекомендованный старается въ грязь лицомъ не ударить: онъ импровизируетъ какую-то абракадабру о пламевидныхъ штрихахъ или о свѣтѣ, проходящемъ черезъ конденсаторъ, которая тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на жюри, чѣмъ меньше оно въ состояніи ее понять.

Допустимъ, для примѣра, что писецъ Гаусгеръ былъ дѣйствительно свѣдущій графологъ и извѣстенъ суду, какъ таковой. Даже и при такомъ допущеніи, отвѣтственность за ошибку остается всецѣло на судѣ, потому что, ставя рядомъ „свѣдущаго“ Гаусгера и „опытнаго“ эксперта защиты, (того самаго, котораго прокуроръ обозвалъ „первымъ

встрѣчнымъ“), судъ долженъ былъ объяснить присяжнымъ различіе обязанностей того и другого.

Предсѣдатель Цюрихскаго суда, заставившаго присяжныхъ разбираться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ „свѣдущаго“ (по нашему допущенію) и „опытнаго“ людей, забылъ предупредить о трехъ судебныхныхъ правдахъ и тѣмъ создалъ почву для ошибочнаго вердикта.

Возвратимся къ дѣлу Мейера. Задача экспертовъ состояла не въ сличеніи почерковъ (какъ текстъ векселя, такъ и инкриминированныя части его писаны Мейеромъ), а въ опредѣленіи времени написанія словъ „девятьсотъ семьдесятъ три франка“ и „четыреста пятьдесятъ три франка“, т. е. о томъ, писаны ли эти слова одновременно съ текстомъ росписки, или добавлены впоследствии. Этого рода вопросы создаютъ эксперту широкое поприще для примѣненія такихъ приѣмовъ, какъ совпаденіе изображеній на пленкахъ, счетъ связанныхъ и несвязанныхъ буквъ и т. п., а также и другихъ измышлений невѣжественныхъ, но самомнительныхъ каллиграфовъ. Какъ и въ дѣлѣ штабсъ-капитана Сазонова, эксперты сличители были призваны для сужденія о чернилахъ и, разумѣется, производили эту экспертизу „на глазъ“; писецъ Гаусгеръ поставилъ въ залѣ суда большую черную доску и чертилъ какую то кабалистику, но совсѣмъ не для того, чтобы присяжные уразумѣли что-нибудь, а для устрашенія ихъ, для внушенія имъ большаго довѣрія къ его писарской премудрости.

Это было сорокъ лѣтъ назадъ, когда наука не подарила еще человечество „красящимъ веществомъ Р“, „свѣтомъ, проходящимъ черезъ конденсаторъ“ и другими могущественными орудіями графическаго изслѣдованія. *Plus ça change, plus c'est la même chose.*

Въ большемъ ходу еще одно *asylum ignorantiae*—способъ доказывать, что текстъ пригонялся къ подписи. Способъ этотъ состоитъ въ подсчитываніи буквъ въ каждой строкѣ и, если въ послѣднихъ строкахъ меньше или больше буквъ, чѣмъ въ верхнихъ, то утверждаютъ, что текстъ подгонялся съ подписи, т. е. письмо сжималось или разгонялось умышленно. Такимъ образомъ, почеркъ приравнивается, къ типографскому шрифту или письму на пишущей машинѣ, гдѣ число буквъ всегда одно и тоже. Необходимо добавить еще, что при счетѣ буквъ обыкновенно дѣлается грубѣйшая ошибка—интервалы между словами совсѣмъ не идутъ въ счетъ!

Такого рода экспертиза была примѣнена даже въ милліонномъ дѣлѣ Субботина съ Аржановымъ, производившемся въ гражданскомъ отдѣленіи Самарскаго окружнаго суда, затѣмъ разсматривавшемся въ уголовномъ порядкѣ въ Тамбовскомъ окружномъ судѣ въ 1891 году. Было принято въ соображеніе не только число буквъ въ каждой строкѣ, но и интервалы между строками и даже содержаніе росписки! Едва ли

найдется рукопись, продѣлавъ съ которою эти глубокомысленныя вычисленія, нельзя доказать желанія писавшаго подогнать конецъ къ тому самому мѣсту, гдѣ онъ въ дѣйствительности есть. По одному дѣлу мнѣ пришло на мысль примѣнить этого рода соображенія моего сотоварища эксперта къ его-же собственному письменному заключенію и только этимъ способомъ удалось не допустить судъ увлечься буквенной бухгалтеріей! Кто скольконибудь слѣдитъ за своимъ писаніемъ, можетъ поймать себя на мысленномъ разсчетѣ, сколько именно мѣста займетъ начатое имъ письмо, и разъ сдѣланная догадка до такой степени приобретаетъ вліяніе на пишущаго, что онъ старается закончить именно тамъ, гдѣ предположилъ, оправдать свой глазомѣръ. Попробуйте опредѣлить на глазъ разстояніе до какогонибудь предмета въ шагахъ и потомъ измѣрьте это разстояніе шагами; въ концѣ пути, незамѣтно для самого себя, если не слѣдитъ внимательно, станете дѣлать шаги короче или длиннѣе прежнихъ, смотря по тому, въ какую сторону вышла ошибка при глазомѣрномъ разсчетѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ множества безсознательныхъ дѣйствій, обычныхъ всѣмъ намъ, но не замѣчаемыхъ при отсутствіи способности къ самонаблюденію. Эксперты склонны считать поддѣльвателей даже миллионныхъ документовъ за очень наивныхъ людей; къ тому же, подсчетъ буквъ дѣло очень легкое, не требующее ни знаній, ни опыта, но съ внѣшней стороны замѣняющее для судебной экспертизы то и другое! Повторяю, если этотъ доводъ принять за доказательство, что написаніе подписи предшествовало написанію текста, то очень мало найдется документовъ, въ которыхъ былъ соблюденъ обратный порядокъ! На самомъ дѣлѣ поддѣльватели, пригоняющіе текстъ къ подписи, несравненно хитрѣе, чѣмъ ихъ считаютъ гг. эксперты. Интересный случай представляетъ дѣло Могилевскаго окружнаго суда (1890 г.) о подлогѣ условія отъ имени штабъ-ротмистра Т. на сумму въ 80000 рублей. По увѣренію потерпѣвшаго, онъ никогда не подписывалъ никакой подобной бумаги и хотя подпись поразительно похожа на его собственную, но объяснить происхожденіе ея онъ не можетъ. Съ лицомъ, предъявившимъ къ нему искъ, имѣлъ дѣло, но всегда на незначительныя суммы, покупалъ у него сѣно и т. д.

Началось, какъ водится, съ сличенія почерковъ. Не имѣя возможности упрекнуть въ чемъ-нибудь сходство подписи подъ условіемъ съ почеркомъ г. Т., эксперты занялись подсчетомъ буквъ въ строкахъ, но и тутъ удачи не послѣдовало; число буквъ во всѣхъ строкахъ оказалось одинаковое, интервалы соблюдены, лишнихъ словъ нѣтъ, — словомъ, все какъ слѣдуетъ. Нѣсколько разъ присылали документъ изъ Могилева въ Петербургъ для сличенія почерковъ и всегда съ тѣмъ же неуспѣхомъ — подпись всѣми признана подлинною (сходство отожде-

ствлялось съ подлинностью). Впослѣдствіи оказалось, что поддѣльватели склеили два поллиста такимъ образомъ:

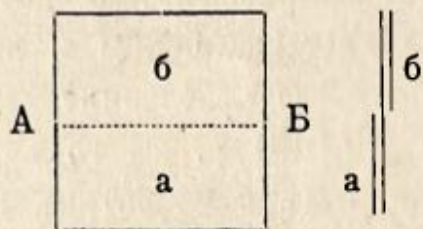

Рис.

т. е. разорвали одинъ изъ поллистовъ на двѣ доли а и б, изъ которыхъ одну б положили на переднюю верхнюю часть другого поллиста, а другую а на заднюю нижнюю. Для этого бумага была, конечно, отволожена, смазана по краямъ крахмаломъ, склеена, спрессована и перегнута по линіи АБ для того, чтобы линія склейки не была замѣчена. Послѣ этого, на половинѣ б былъ написанъ текстъ какой то росписки по продажѣ сѣна или что-то въ этомъ родѣ, на очень малую сумму, и оконченъ какъ разъ надъ складкой АБ, такъ что подпись г. Т. по необходимости должна была помѣститься ниже складки.

Получивъ подпись, поддѣльватели отмочили доли а и б и у нихъ въ распоряженіи оказался полулистъ съ одной только подписью г. Т. безъ всякаго текста. Дальнѣйшее понятно!

Обнаружилась эта поддѣлка совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что г. Т-въ, подписывая свой чинъ и фамилію ниже складки АБ, верхнюю черту надъ буквой Т загнулъ подъ конецъ кверху, такъ что окончаніе попало выше складки АБ, то есть на ту долю б, которую потомъ отняли прочь. Такъ какъ, послѣ снятія доли б вмѣстѣ съ окончаніемъ черты, эта послѣдняя производила впечатлѣніе неоконченной, срѣзанной, то пришлось додѣлать недостающій отчеркъ и, конечно, другими чернилами. Это-то различіе чернилъ, обнаруженное фотографіей, и навело на слѣдъ, а окуриваніе бумаги парами іода, вслѣдствіе чего крахмалъ по краямъ далъ синюю рамку, объяснило весь секретъ поддѣлки. Дѣло это получило, въ свое время, названіе „дѣла о подложной черточкѣ“. Дѣйствительно, не случись эта черточка, Богъ знаетъ, удалось-ли бы эксперту додуматься до раскрытія подлога *).

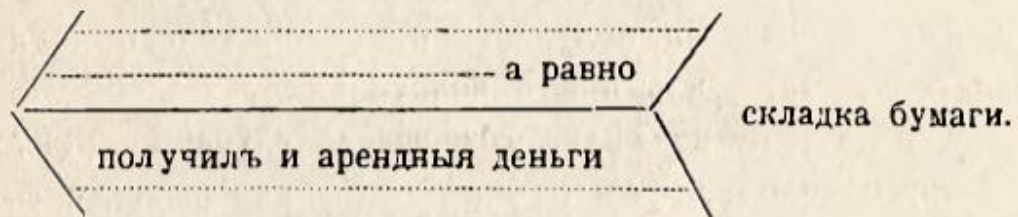
Составляя планъ подлога, поддѣльватели предусмотрѣли, разумѣется, что въ случаѣ поступленія документа въ судъ и возникновенія спора о подлогѣ, проникательные эксперты непременно займутся буквенной бухгалтеріей; они, поддѣльватели, заблаговременно составили текстъ будущей росписки такъ, чтобы, по занимаемому имъ на бумагѣ мѣсту она въ точности отвѣчала той временной роспискѣ, которая была наклеена

*) И. Щегловитовъ. Юридич. Лѣтопись 1891 г. кн. III.

на верхнюю половину листа. Да и не мудрено предусмотрѣть: арсеналь гг. каллиграфовъ не обширепъ и давно извѣстенъ.

По дѣлу Субботина съ Аржановымъ, о которомъ было говорено выше, большую роль играла вставка буквы *и* въ росписку Аржанова. Субботинъ продалъ Аржанову свою мельницу за 200,000 рублей и самъ же арендовалъ ее за 15,000 р. въ годъ съ тѣмъ, что если по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ Субботинъ внесетъ Аржанову капитальную сумму, то можетъ получить мельницу обратно въ свою собственность. По истеченіи нѣкотораго времени, Субботинъ подалъ искъ о понужденіи Аржанова къ передачѣ ему, Субботину, мельницы, такъ какъ сумма 200,000 рублей Аржанову уже уплачена, въ доказательство чего представилъ росписку Аржанова.

Росписка эта представляла сложенный вдвое полулистъ бумаги, на которомъ выше складки была написана, рукою Субботина, росписка о полученіи, согласно условію, 200,000 р.; затѣмъ, послѣдняя передъ складкой строка оканчивалась словами „а равно“ и на первой строкѣ *ниже* складки написано „получилъ и арендныя деньги“ и пр.; въ концѣ подпись Аржанова.

По объясненію Аржанова, Субботинъ уплатилъ ему только арендныя деньги, въ чемъ онъ, Аржановъ, и выдалъ росписку; все же, что написано выше, добавлено Субботинымъ безъ его, Аржанова, вѣдома и согласія. Изъ этого объясненія вытекало предположеніе, что росписка была писана Субботинымъ на сложенномъ вдвое полулистѣ бумаги такъ, что верхняя часть, отогнутая назадъ, оставалась чистой; самая же росписка начиналась словами „получилъ арендныя деньги“, а союзъ *и* вставленъ впоследствии для того, чтобы связать верхній, подложный текстъ съ нижнимъ, подлиннымъ.

Чернила всего текста росписки, какъ въ верхней, такъ и въ нижней частяхъ и въ спорной буквѣ *и* одни и тѣ же. Разстановка словъ „получилъ“ и „арендныя деньги“ совершенно правильная, что можно было объяснить намѣреннымъ оставленіемъ Субботинымъ достаточнаго интервала между *получилъ* и *арендныя* чтобы потомъ вставить *и*. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ только фотографическими увеличеніями, по которымъ легко видѣть, подходитъ ли буква *и* съ амплитудѣ почерка. Дѣло въ томъ, что, имѣя при письмѣ точкою опоры конецъ мизинца или мякоть руки, мы дѣлаемъ не вездѣ оди-

наковые уклоны линий буквъ, но измѣняемъ ихъ періодически, при каждомъ перемѣщеніи точки опоры, т. е. въ началѣ каждой амплитуды пишемъ прямо, по далѣе все больше наклоняемъ линии вправо до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшее писаніе затрудняется и требуетъ перемѣщенія точки опоры далѣе, по направленію письма.

Предположимъ, зная это, что въ увеличеніи оказывается, что одна изъ буквъ и именно спорная, нарушаетъ указанный порядокъ т.-е. не составляетъ съ сосѣдними буквами постепеннаго наклона линий.

Это уже можетъ служить основаніемъ для предположенія (но не утвержденія), что буква поставлена позже.

Поправки и вставки ограничиваются, обыкновенно, добавленіемъ одной буквы или цифры или даже части цифры, напр. изъ 1 дѣлаютъ 4 или 7 приставкой одной черты; рѣдко отваживаются вставить или исправить цѣлое слово, такъ какъ это трудно сдѣлать безъ замѣтныхъ слѣдовъ передѣлки.

Въ Петербургской газетѣ (1891 г. № 317) описана, въ бесѣдѣ репортера газеты съ присяжнымъ судебнымъ фотографомъ А. Н. Малевинскимъ, экспертиза этаго рода, произведенная въ судебно-фотографической лабораторіи при прокурорѣ С. П. судебной палаты. Заимствую описаніе изъ названной газеты. Г. Малевинскій сообщилъ репортеру:

— Я уже говорилъ вамъ, что у насъ встрѣчается масса интересныхъ случаевъ подлога. У меня *сейчасъ подъ рукой нѣтъ ихъ* *), да если бы и были, я не могъ бы показать ихъ безъ разрѣшенія г. прокурора. Но вотъ я вамъ покажу интересный случай поддѣлки, который долго составлялъ загадку для судей и который разрѣшить можно только по вдохновенію (!). Былъ предъявленъ документъ, помѣченный февралемъ мѣсяцемъ, а отвѣтчикъ заявилъ, что срокъ долженъ быть въ мартъ. Слѣдствіе долго ломало голову (!!), чтобы найти что-нибудь, доказывавшее поддѣлку; совершенно правильно написано было февраль. При фотографированіи оказалось, что нѣкоторыя части буквъ написаны позже и представилась затѣмъ отсюда такого рода остроумная (!?) передѣлка“.

Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ эта грубая поддѣлка могла оставаться не узанною при первомъ же осмотрѣ документа не только экспертомъ, но и слѣдователемъ! Заданіе было, какъ видно изъ словъ г. Малевинскаго, совершенно опредѣленное и *искать* что либо не приходилось: прямо указано на слово *февраль*, и въ немъ было все дѣло. Поправка слагается изъ 1) добавленія нѣсколькихъ новыхъ штриховъ къ буквамъ слова „Мартъ“ и 2) выскабливанія лишнихъ

*) Это заявленіе очень странно: неужели лабораторія не оставляетъ у себя копій произведенныхъ по изслѣдованію снимковъ, негативовъ и т. п.?

штриховъ, ненужныхъ для слова „февраль“. Новые штрихи сами бросаются въ глаза, напр., продолженіе внизъ одной изъ линій буквы М для превращенія этой буквы въ Ф; букву е, слѣдующую за ф, какъ по формѣ, такъ и по положенію, и по сведенію съ предыдущей буквой можно назвать „кричащей уликой“. Первый же негативъ, какъ угодно сильный, долженъ былъ сразу выдѣлать какъ новые штрихи, такъ и мѣста скобленія. Такія поправки цѣлаго слова, при томъ столь грубо выполненныя, не требуютъ цвѣтодѣлительныхъ работъ и даже увеличеній.

Къ сожалѣнію, это единственное опубликованное изслѣдованіе изъ произведенныхъ въ казенной лабораторіи; о другихъ работахъ названнаго учрежденія въ печать никакія свѣдѣнія не проникали. Г. Малевинскій объяснилъ репортеру, на вопросъ о разныхъ способахъ поддѣлки, слѣдующее:

— Ихъ масса, но, если я рассказалъ бы вамъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ и о способахъ раскрытія этихъ подлоговъ, то господа, занимающіеся составленіемъ подложныхъ документовъ и прекрасно слѣдящіе за всѣмъ, что ихъ касается, навѣрно уже оставили бы прежніе способы или придумали бы къ нимъ еще что-нибудь новое, съ чѣмъ до сихъ поръ намъ не приходилось встрѣчаться“.

Я не догадываюсь, какую мысль хотѣлъ выразить г. Малевинскій. Сколько извѣстно, заключеніе эксперта читается въ судебномъ засѣданіи, подвергается обсужденію и не при закрытыхъ дверяхъ, а отчеты о засѣданіяхъ печатаются въ газетахъ. „Господамъ, прекрасно слѣдщимъ за всѣмъ, что ихъ касается“ никто не можетъ запретить посѣщать гласныя засѣданія суда и узнавать *les secrets de polichinelle*, о которыхъ говоритъ г. Малевинскій! Какими мѣрами я могъ бы скрыть, напр., способъ поддѣлки въ дѣлѣ „о подложной черточкѣ“, если въ залѣ засѣданія суда присутствовало такое множество публики, что отъ духоты дышать было не чѣмъ?

Почему, наконецъ, г. Малевинскій рѣшилъ посвятить публику въ тайны самой „остроумной“ фальсификаціи, надъ которой „слѣдствіе долго ломало голову“, а другія, не столь остроумныя, счелъ полезнымъ скрывать?

Вѣроятно, были другія причины, по которымъ г. Малевинскій уклонился отъ сообщенія репортеру обнаруженныхъ лабораторіею интересныхъ способовъ поддѣлки документовъ!...

Серьезный эксперт почерковъ не станетъ высказывать свои *положительныя* мнѣнія *sine nulla dubitatione* и только въ *отрицательныхъ* позволить себѣ *утвержденіе*. Можно придти къ твердому убѣжденію, что данная рукопись писана *не тѣмъ* лицомъ, которое подозрѣвается или указывается, но очень рѣдко возможно съ увѣренностью сказать, что изслѣдуемый почеркъ принадлежитъ тому, а не какому-либо другому лицу. Лучшая форма для положительныхъ заключеній такая: „на основаніи всего изложеннаго, мы, эксперты, пришли къ заключенію, что почеркъ рукописи подъ литерою А, по построенію *не противорѣчитъ* почерку подъ литер. В.“ Болѣе этого экспертъ сказать не вправѣ, и дѣло не его, но судьи, рѣшить, на сколько позволительно, по обстоятельствомъ дѣла, непротиворѣчивость почерковъ принять за доказательство ихъ тождественности. Про почерковѣдѣніе можно сказать только, что *ce n'est pas une science faite, mais une science entièrement à faire!* Твердо установленныхъ началъ въ ней еще мало, приемы анализа не разработаны, спорныхъ положеній сколько угодно. Особенно сбиваютъ изслѣдователя съ толку разнообразныя болѣзненныя расстройства письменной рѣчи, не страшныя для эксперта тогда, когда онѣ успѣли уже рѣзко выразиться и дифференцироваться, но очень опасныя въ начальныхъ періодахъ развитія. Въ главѣ о психо и физиографологіи читатель увидитъ, какія иногда ничтожныя причины способны внести въ почеркъ то или другое измѣненіе? Надобно не имѣть никакого понятія о физиологіи и патологіи письма, для того, чтобы строить выводы на одномъ внѣшнемъ сходствѣ или несходствѣ буквенныхъ рисунковъ. Сравнительно болѣе надежнымъ матерьяломъ можетъ быть построеніе почерка, но и съ нимъ должно обращаться съ большою осторожностью. Отдѣльныя наблюденія, не приведенныя между собою въ связь, не освѣщенныя одной общей мыслью—никакой цѣнности не имѣютъ. Передъ изслѣдованіемъ почерка, въ которомъ замѣчаются признаки аграфическаго расстройства, лучше совсѣмъ отступить или, по крайней мѣрѣ, просить о приглашеніи, для совмѣстной работы, врача невропатолога. Первымъ шагомъ въ изслѣдованіи долженъ быть, поэтому, тщательный осмотръ рукописи въ отношеніи нормальности или болѣзненности почерка и только тогда, когда нормальность не подлежитъ сомнѣнію, экспертъ можетъ спокойно продолжать свое дѣло.

Изслѣдованіе (не распознаваніе) не слѣдуетъ производить въ помѣщеніи суда, но необходимо просить о разрѣшеніи взять фотографическія увеличенія для спокойной работы дома.

Техническіе приемы изслѣдованія будутъ намѣчены далѣе, въ главахъ о психо- и физиографологіи.

Позволяю себѣ обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи копіи заключеній гг. графическихъ экспертовъ, не отказать въ доставленіи мнѣ таковыхъ; взамѣнъ, я принимаю на себя обязанность письменно сообщать, по требованію, мои личныя мнѣнія о правильности и полнотѣ этихъ заключеній.

Адресовать: въ С.-Петербургъ, Лѣсной, Евгению Федоровичу Буринскому.